НА РУБЕЖѢ

4

1927

ЛЬВОВЪ

ГОДЪ ИЗДАНІЯ I-ый. ГОДЪ ИЗДАНІЯ I-ый.

Иллюстрированный Литературно - Публицистическій и Информаціонный

двухмѣсячный журналъ

„НА РУБЕЖѢ"

Органъ Русскаго Студенчества въ Польшѣ

издаваемый во Львовѣ

подъ редакціей
В. Р. Ваврика, Р. И. Левицкаго Р. Я. Луцыка,
Е. И. Полонской, В. К. Сорокиной, Б. В. Труша.
и при участіи варшавской и виленской редакціонныхъ коллегій. — — — — — — —

Цѣна этого номера 1 зл. 50 гр., за границей 17 ам. цент., для учащейся молодежи 1 зл. Съ заказами обращаться по адресу: Б. В. Трушъ — — Львовъ, Курковая ул. 14. **(Lwów, ul. Kurkowa 14).**

НА РУБЕЖѢ

ОРГАНЪ РУССКАГО СТУДЕНЧЕСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ.

№ 4. Ноябрь—Декабрь 1927 годъ.

ПУШКИНЪ, ДОСТОЕВСКІЙ ЛЕВЪ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ДУША.

I.

Насъ, русскихъ, нерѣдко упрекаютъ въ безпечности и непрактичности. Говорятъ, что мы все затѣваемъ и начинаемъ не иначе, какъ на широкую ногу; легко отдаемся стихійнымъ порывамъ; въ увлеченіи утопической мечтой пренебрегаемъ насущными интересами минуты; любимъ тотъ рискъ, отъ котораго духъ захватываетъ, любимъ лѣпиться по обрыву надъ бездной, играть опасностями и упускаемъ между рукъ ту небольшую практическую выгоду, которую мы могли бы получить при болѣе осторожномъ поведеніи.

Однако, правда ли это, что наши порывы къ широкимъ задачамъ вытекаютъ цѣликомъ изъ нашей мечтательности и непрактичности? Не на оборотъ ли?

Вѣдь не слѣдуетъ забывать, что сама природа нашего отечества окружаетъ насъ широкими горизонтами. Эти широкіе горизонты всегда стоятъ передъ нашими глазами и намъ отъ нихъ уйти некуда. А наша историческая судьба сложилась такъ, что намъ приходилось не только созерцать эти уходящія въ необъятную даль пространства, но и побѣждать ихъ силою своей предпріимчивости, безъ чего нельзя было и думать о началѣ какого-нибудь серьезнаго дѣла. Самая громадность нашей территоріи создаетъ для насъ то, что, принимаясь за какое либо предпріятіе серьезно и практично, мы должны заранѣе идти на неизбѣжность широкаго размаха энергіи, широкой затраты силъ и средствъ. И наоборотъ, — сжать то или иное дѣло до малыхъ размѣровъ, ограничиться скромной задачей, — вотъ это для насъ значитъ фантазировать и не считаться съ реальными условіями дѣйствительности.

Конечно, много опасностей таится въ этомъ влеченіи къ широкому размаху, въ этомъ постоянномъ стремленіи къ отдаленнымъ перспективамъ, выходящимъ за рамки ближайшихъ задачъ. Но — съ другой стороны — не придаетъ ли русской культурѣ именно эта черта блескъ, значительн сть, зажигательную силу? Не предохраняетъ ли она отъ того оскопленія духовныхъ интересовъ, къ которому приводитъ вялое жизненное прозябаніе безъ душевнаго горѣнія, безъ „изюминки"?

Въ чемъ же состоитъ эта самая „изюминка" русской души, сообщающая русской культурѣ повышенный умственный и моральный паѳосъ?

Изъ этой обширной темы я возьму только небольшую частицу. Я постараюсь отмѣтить, какія стороны русской души всего ярче и выпуклѣе выразились въ характерѣ творчества трехъ крупнѣйшихъ русскихъ писателей.

Пушкинъ, Достоевскій, Толстой, — три геніальныхъ русскихъ человѣка. Каждый изъ нихъ въ своей личности и въ своемъ творчествѣ съ особеннымъ блескомъ и размахомъ выразилъ тѣ или иныя четрыру сскаго народнаго характера, русской души. Вглядываясь въ то, что составляло подоплеку ихъ душевной жизни, мы словно въ увеличительное стекло разсматриваемъ основные элементы духовной личности русскаго народа.

II.

Конечно, начинать надо съ Пушкина. Вѣдь это — величайшая вершина, до которой когда-либо доходилъ подъемъ русскаго генія. Въ замѣчательной рѣчи Достоевскаго о Пушкинѣ вскрыта та черта русскаго народнаго характера, которая нашла себѣ особенно блестящее выраженіе въ творчествѣ Пушкина. Эта черта — отсутствіе духовной замкнутости, способность легко и свободно проникать въ живое существо чужихъ національныхъ культуръ и въ каждой изъ нихъ чуять и воспринимать общечеловѣческое содержаніе.

Пушкинъ былъ съ головы до ногъ русскимъ человѣкомъ и русскимъ національнымъ поэтомъ. Какъ живо и глубоко чувствовалъ онъ и какъ дивно изображалъ картины русской природы: русскую зиму, которую такъ любитъ его Татьяна „своею русскою душою"; пробужденіе весны, когда „соловей ужъ пѣлъ въ безмолвіи ночей", и столь многолюбезную Пушкину русскую осень, когда „природа, какъ жертва, пышно убрана" и когда подъ шумъ осенняго дождя на поэта неизмѣнно находилъ приливъ вдохновенія.

И жизнь русскихъ людей всѣхъ круговъ и слоевъ:—и помѣщичья усадьба Лариныхъ, и блескъ петербургскаго великосвѣтскаго бала, и мужицкая изба въ убогой деревнѣ, — все это отразилъ Пушкинъ въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ такъ, какъ могъ это сдѣлать только такой поэтъ, который являлъ собою плоть отъ плоти и кровь отъ крови родного ему народа.

И, однако, посмотрите, какъ глубоко при всемъ томъ, проникаетъ этотъ русскій поэтъ въ самое интимное существо національныхъ культуръ тѣхъ странъ, въ которыхъ онъ даже никогда не бывалъ, но духовную атмосферу которыхъ онъ воспринимаетъ какой то чудодѣйственной интуиціей. Онъ становится подлиннымъ испанцемъ, когда пишетъ своего „Каменнаго гостя" и развѣ не вѣетъ на насъ ароматомъ испанской ночи, когда мы слышимъ эти Пушкинскіе звуки:

Объята Севилья
И мракомъ и сномъ,
Я здѣсь Инезилья
Стою подъ окномъ... и т. д.

И тотъ же Пушкинъ перерождается во французскаго средневѣковаго рыцаря, когда въ своемъ по истинѣ геніальномъ романсѣ:

Жилъ на свѣтѣ рыцарь бѣдный

онъ заглядываетъ въ самую глубь средне - вѣковой рыцарской романтики.

Извѣстенъ замѣчательный эпизодъ, показывающій, съ какой геніальной чуткостью проникалъ Пушкинъ и въ тайники души славянскихъ народовъ. Французъ Мериме издалъ сборникъ пѣсенъ западныхъ славянъ, яко-бы записанныхъ имъ со словъ славянскихъ народныхъ пѣвцовъ. Этотъ сборникъ имѣлъ громадный успѣхъ и прогремѣлъ по всей Европѣ. Заинтересовался имъ и Пушкинъ и перевелъ изъ него нѣсколько пѣсенъ: „Что ты ржешь мой конь ретивый", „Вурдалакъ" и др. А впослѣдствіи оказалось, что Мериме въ своемъ сборникѣ помѣстилъ лишь немного подлинныхъ пѣсенъ западныхъ славянъ, а остальныя просто сфальсифицировалъ, самъ сочинилъ ихъ. Пушкинъ не подозрѣвая этого обстоятельства, выбралъ, однако, для своего перевода именно тѣ пѣсни, которыя и оказались подлинными народными пѣснями западныхъ славянъ. Именно на нихъ попалъ онъ, почувствовавъ интуитивно, гдѣ звучитъ подлинный поэтическій голосъ славянина.

Итакъ, многообъемлемость духовныхъ воспріятій, всечеловѣчность, отсутствіе закупоренности въ однихъ только мѣстныхъ переживаніяхъ, — вотъ яркая черта русской души, выразившаяся въ творчествѣ величайшаго русскаго поэта.

Другая черта, въ немъ выразившаяся съ такимъ же блескомъ, состоитъ въ свободномъ пріятіи всей полноты жизни, и въ ея радостяхъ, и въ ея печаляхъ.

Часто говорится про Пушкина. что его творчество сплошь — солнечное, радостное, что преисполнено оно беззавѣтнымъ оптимизмомъ. Такъ ли это? Можно ли назвать беззавѣтнымъ оптимистомъ поэта, который написалъ, быть можетъ, самое мрачное во всей міровой поэзіи стихотвореніе „Анчаръ". Гдѣ вы найдете болѣе безпощадно ужасное раскрытіе гнѣздящейся въ человѣческой природѣ стихіи зла? Вѣдь если бы отъ Пушкина до насъ дошло только одно это стихотвореніе, а всѣ другія его произведенія были бы утрачены, — развѣ не рѣшили бы всѣ безпоротно, что Пушкинъ — самъ мрачный пессимистъ и мизантропъ. А между тѣмъ у того самого Пушкина, который создалъ „Анчара", — какъ побѣдно бурлитъ и трепещетъ во многихъ дивныхъ стихахъ сознаніе радости и счастья бытія, какъ много въ его созданіяхъ солнца, жизненной силы, свѣтлыхъ картинъ природы и человѣческой жизни!

Значитъ, Пушкинъ и не оптимистъ и не пессимистъ. Своей способностью воспринимать всю полноту бытія онъ возвышается и надъ оптимизмомъ и надъ пессимизмомъ къ нѣкоему всеобъемлещему, широкому и свободному воззрѣнію на міръ Оптимистъ отвертывается отъ зла и не хочетъ его замѣчать. Пессимистъ въ самыя свѣтлыя стороны жизни вноситъ отраву сомнѣнія. Пушкинъ ни отъ чего не отворачивается и ни во что не вноситъ отравы. Все включаетъ онъ въ свой широкій кругозоръ:

И горній ангеловъ полетъ
И гадъ морскихъ подводныхъ ходъ.

Онъ умѣетъ возводить къ гармоническому синтезу противоположныя явленія жизни. Самое страданіе принимаетъ онъ, какъ необходимую составную принадлежность разумно-благороднаго существованія. Вѣдь это Пушкину принадлежатъ вдохновенныя слова:

Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море,
Но не хочу, о други, умирать,
Я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать.

III.

Русскій чоловѣкъ не боится страданія. Но надо сказать больше — Русская душа чувствуетъ потребность въ страданіи, какъ въ стихіи, очищающей духъ и возносящей его г о р ѣ. „Мыслить и страдать", вотъ это и значитъ — жить. Жизнь безъ страданія, какъ и жизнь безъ мысли есть прозябаніе или растительное существованіе, недостойное человѣка. Только тѣ духовныя цѣнности истинно значительны, которыя выдержали пробу въ грозѣ и бурѣ. Это основной мотивъ творчества другого великаго русскаго писателя — Достоевскаго.

Все творчество Достоевскаго проникнуто стихіей катастрофичности. Извѣстно, что о держался рѣзко-охранительныхъ убѣжденій, былъ другомъ Побѣдоносцева и Каткова. Какъ же согласить съ этимъ то обстоятельство, что его творчество было преисполнено поэзіей мятежныхъ душевныхъ бурь? Не парадоксъ-ли это?

Тутъ нѣтъ никакого парадокса. Мятежу и борьбѣ Достоевскій отводилъ большое мѣсто въ экономіи нравственнаго существованія людей, ибо, согласно основному убѣжденію Достоевскаго, только тогда моральныя цѣнности пріобрѣтаютъ истинное величіе, когда онѣ прошли черезъ горнило мятежныхъ противъ нихъ возстаній и преодолѣли эти возстанія. За свои идеалы, за своего Бога Достоевскій не боялся и вѣрилъ въ то, что въ буряхъ богоборчества ярче сіяетъ святыня. Потому-то этотъ консерваторъ и охранитель, вопреки всѣмъ консерваторамъ и охранителямъ, жаждалъ не тишины, а бури и прежде всего бури въ сердцѣ человѣка. Всѣ вопросы общественные, соціальные, политическіе разрѣшаются и растворяются, по убѣжденію Достоевскаго, въ вопросѣ моральномъ, а для разрѣшенія этого моральнаго вопроса онъ признавалъ только одинъ трибуналъ: — человѣческое сердце. И онъ вѣрилъ въ чуткость этого трибунала не потому, что считалъ человѣческое сердце чуждымъ порочнымъ страстямъ, а какъ разъ потому, что оно всѣмъ страстямъ доступно, способно доходить до самаго дна ихъ бездны и тѣмъ изведать ихъ тщету и возвыситься надъ ними. — „Дьяволъ съ Богомъ борется, а поле битвы — сердца людей" — вотъ формула міровоззрѣнія Достоевскаго.

IV.

Острая душевная тревога предъ жгучими вопросами морали — вотъ что въ большей или меньшей степени гнѣздится въ душѣ каждаго русскаго человѣка, живущаго сознательною жизнью. Эта національная наша черта съ исполинскою силою выросилась въ жизни и творчествѣ третьяго великага писателя земли русской — Льва Толстого.

Спѣшу подчеркнуть: я вовсе не послѣдователь и не поклонникъ т о л с т о в с т а. Такъ называемое „ученіе Толстого" непріемлемо для меня по многимъ основаніямъ. Но вѣдь и непріемлющіе ученія Толстого должны безпристрастно признать, что философско-этическая проповѣдь Толстого была проявленіемъ жгучаго стремленія его къ добру и справедливости.

Есть Истина и Красота. Но есть еще Добро и Спрведливость. И можетъ ли успокоиться человѣческая душа, пока она не найдетъ путей къ установленію человѣческой жизни на началахъ гармоніи между Истиной, Красотой, Добромъ и Справедливостью?

Истина есть совокупность непреложныхъ фактовъ. Но вѣдъ бываютъ факты, которые истинно существуютъ, а тѣмъ не менѣе нравственному сознанію претятъ. Что же выше: истинность факта или его нравственная оцѣнка? Красота есть высшая отрада для человѣческаго духа. Но можно ли безмятежно наслаждаться красотой, пока въ жизни поругана справедливость и люди раздѣлены на счастливцевъ и паріевъ, не могущихъ отдаваться беззаботно эстетическому наслажденію?

Вотъ такъ называемые „проклятые" вопросы т. е. вопросы, отъ которыхъ нельзя отвернуться и которыхъ нельзя затронуть, не отважившись на какое либо дерзновенное возстаніе противъ кодекса общепринятыхъ понятій. Левъ Толстой и обнаруживаетъ высшую степень такого дерзанія. Рожденный для созиданія художественныхъ твореній, знаменующихъ собою величайшія достиженія художественной красоты, Толстой безтрепетно заноситъ руку надъ собственнымъ художественнымъ даромъ, и отвергаетъ его потому что ему кажется, что служеніе Красотѣ отвлекаетъ человѣка отъ работы надъ нравственнымъ самоусовершенствованіемъ

Я вовсе не вхожу сейчасъ въ вопросъ,— правъ ли Толстой, ставя свою философскую проповѣдь выше „Войны и мира" и „Анны Карениной". Я думаю, что онъ не правъ. Но сейчасъ для меня важно не это, а важно отмѣтить, что въ этомъ его художественномъ самоотреченіи сказалась національная черта русской души, это присущее ей влеченіе во имя служенія идеалу непремѣнно принести въ жертву что нибудь самое дорогое, самое кровное.

Левъ Толстой, готовый заклать свой художественный даръ во имя высшаго нравственнаго начала, это нѣчто такое, чего еще не бывало съ того момента, когда Авраамъ готовъ былъ заклать своего сына во имя повиновенія велѣнію Божества.

Тревогой нравственнаго чувства была преисполнена жизненная драма Толстого. Это приводило его во многомъ къ ошибочнымъ увлеченіямъ, но отчетливо видя эти ошибочныя увлеченія, нельзя не признать той могучей силы искренности, которая лежала въ основѣ его призывовъ.

Отчего на Максимѣ Горькомъ, который вышелъ изъ простого народа, мужицкая рубаха сидитъ както нарочито, вызывающе тенденціозно, а на графѣ Толстомъ, воспитанномъ въ великосвѣтской атмосферѣ, такая же рубаха сидѣла такъ, какъ будто этотъ костюмъ приросъ къ нему съ малолѣтства и всегда составлялъ обычную принадлежность его существованія? Все дѣло въ томъ, что Толстой въ каждомъ своемъ жизненномъ шагѣ былъ искрененъ и всякая нарочитая позировка была ему органически чужда.

V.

Итакъ, — свободное пріятіе всей полноты бытія, съ радостями и страданіями, въ ихъ гармоническомъ сочетаніи; способность почувствовать и понять общечеловѣческое во всѣхъ національныхъ культурахъ; нежеланіе успокоиться на будничномъ существованіи; влеченіе къ бурямъ и грозомъ; тревога нравственнаго чувства; сила искренности въ моральныхъ исканіяхъ; потребность въ принесеніи жертвъ во имя идеала, — вотъ черты, подмѣчаемыя въ личности и творчествѣ трехъ гигантовъ русской поэзіи, которыхъ мы вправѣ считать яркими выразителями особенностей русской души.

Не становится ли теперь понятнымъ, откуда проистекаетъ та зажигательная, электризующая, трепетная сила, которая излучается изъ созданныхъ русской культурой духовныхъ цѣнностей.

Быть-можетъ, читатель спроситъ: если таковы духовные задатки русскаго народа, то почему же этотъ народъ столь долго не можетъ воспрянуть изъ своего теперешняго упадка и лежитъ поверженный подъ пятою мрачнаго ига насильниковъ, являя міру картину матерьяльнаго и духовнаго розложенія?

Одно отвѣчу на это, — не спѣшите съ вынесеніемъ приговора. Бисмаркъ, поживъ въ Россіи, говаривалъ: „въ Россіи всегда очень медленно запрягаютъ и очень быстро возятъ". Это тоже—наша національная особенность.

Илья Муромецъ долго сидитъ сиднемъ.

Но, сидя, онъ копитъ силу. И когда онъ, наконецъ, встанетъ, онъ совершаетъ подвиги, которыхъ не ожидали.

Русскій народъ не умеръ подъ гнетомъ стрясшейся надъ нимъ бѣды, и благо будетъ тѣмъ, кто въ нынѣшнюю пору его временнаго упадка съумѣетъ не утратить вѣры въ его грядущее возрожденіе.

Прага 1927.

А. Кизеветтеръ.

Врело Босны.

Земля не въ силахъ въ нѣдрахъ скрытыхъ
Сдержать балладу о веснѣ,
И вотъ, бросаетъ свой напитокъ
Навстрѣчу солнцу и лунѣ.

Тысячелѣтніе подвалы
Хранили у подножья горъ
Его слезу, его кристаллы,
Его бунтующій напоръ.

Звенятъ серебряныя трубы.
Творца не постигаетъ умъ.
Земля переполняетъ кубокъ,
Рождая вдохновенный шумъ.

Константинъ Оленинъ.

1 Іюня 1927. Сараево.

Роза.

„Ее вѣдь смѣю я почтить сонетомъ?..“
Гумилевъ.

Дождь. Разсвѣтъ. По улицамъ туманнымъ
Я шагаю. Кровь стучитъ въ виски.
И порою, улыбаясь странно,
Я цѣлую розы лепестки.

Пусть все это скучно и не ново:
Ночь, поэтъ и вянущій цвѣтокъ.
Но я помню строчку Гумилева,
Хоть читаю въ жизни между строкъ.

И я смѣю розу чтить стихами,
Ну уже хотя бы потому,
Что она была дана мнѣ вами,
Что такъ грустно сердцу моему.

Жизнь моя, еще ты станешь хуже!
Васъ, года, не повернуть назадъ...
Съ лепестковъ, какъ съ ярко-желтыхъ кружевъ,
Льется тонкій мертвый ароматъ.

Словно розѣ, вянущей въ петлицѣ,
Всѣмъ намъ, всѣмъ угаснуть суждено.
Часъ придетъ, и поблѣднѣютъ лица,
Станетъ страшно, пусто и темно.

Даже васъ не обезсмертитъ слово
Самой лучшей пѣсни на землѣ.
Время всѣ слѣды сотретъ сурово,
Жизнь пройдетъ, какъ путь звѣзды во мглѣ.

И я самъ, какъ факелъ погребальный,
Освѣщаю темный міръ тоски.
Дождь. Разсвѣтъ. Въ грязь улицы печально
Опадаютъ розы лепестки...

Прага 1925.

Алексѣй Эйснеръ.

НИКУДЫШНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Въ широкой херсонской степи верстахъ въ сорока отъ Одессы затерялась желѣзнодорожная станція—когда-то главный узелъ дороги—теперь похожая на мертваго паука съ обломанными лапами.

Въ верхнемъ этажѣ, надъ телеграфомъ, съ тѣхъ поръ какъ пришли большевики, помѣщалась коммунальная кухня — кормили проѣзжающихъ по дорогѣ совѣтскихъ агентовъ, чекистовъ, военспецовъ и электрофикаторовъ.

Поваръ Геннадій Семеновичъ — мужчина лѣтъ сорока, съ проборомъ на головѣ и всегда въ туго накрахмаленной рубашкѣ, помнилъ времена и получше.

Проѣзжали паны — генералы и сенаторы, важные желѣзнодорожные тузы, а то и спекулянты-буржуи — ѣхали въ Крымъ на воды, али въ Проскуровъ черезъ Жмеринку, за-границу.

„Теперь шпана — говорилъ поваръ своему помощнику Василію, шпана теперь ѣздяитъ, Василій.

Придетъ обѣдать, самъ не знаитъ, что онъ хотитъ.

Посмотришь — одѣтый какъ пава, въ лаковыхъ щиблетахъ, сигару куритъ, сурло воротитъ выше носа...

Вчерась одинъ пришелъ такой — дайте говоритъ антрикотъ...

Я, говоритъ, васъ отблагодарю, товарищъ...“

Поваръ усмѣхнулся и разгладилъ рукой усы.

„Зажарилъ я ему кусокъ мяса, а сверху нарѣзалъ петрушки, сельдерею и морковки — прямо съ ножа сыпалъ и не чистилъ вовсе. Накажи меня Богъ. Сѣлъ въ уголъ — смотрю: ѣстъ, сукинъ сынъ, ажъ за ушами трещитъ; ровно щенокъ подливку ложкой вылакалъ.

Нюська и Вѣрка — кухонныя судомойки, громко и смѣшливо взвизгнули.

Василій стоялъ у окна — ждалъ закипитъ каша — надо было подлить воды и размѣшать деревянной мѣшалкой.

Въ окно видѣлъ платформу и ржавые пути съ покосившимися стрѣлками,съ дырами безглазыхъ фонарей. За путями въ сиреневомъ маревѣ щетинились подъ вѣтромъ желтые волосы хлѣбовъ...

„Чего смѣешься, Нюська? — спросилъ поваръ, — Василія завлекаешь? Василій, иди ее пощупай хорошенько — вишь, бѣсится дѣвка отъ любови“...

„Геннадій Семеновичъ, какъ вы выражаетесь... просто ужасно...

Нюська обидчиво отвернулась въ сторону и отбросила ножъ, которымъ только что чистила картошку.

„Нечего, нечего сопатку воротить... Я за тебѣ картошку чистить не буду. Посмотри лучше на Вѣрочку... Вѣрочка вотъ снюхалась съ телеграфистомъ и молчитъ“.

„Птфу — плюнула Вѣрка. Это вы про Андронникова, Геннадій Семеновичъ? Пускай и не думаитъ... Лучше всю жисть картошку чистить буду“.

„Эхъ, какія вы важныя, усмѣхнулся поваръ А что—онъ серьезныя желанія возымѣлъ къ браку, или такъ, на время предлагаитъ?“

„Геннадій Семеновичъ — какъ вамъ не стыдно — нахмурилась Вѣрка. Конечно съ женитьбой лѣзитъ. Пойдешь, говоритъ, за мине Вѣра. Я, говоритъ, у Адесъ переведусь, есть, говорнтъ, у мине въ Адесѣ зацѣпка“.

Вѣрка поправила локонъ и смѣшливо хмыкнула.

„Я, говоритъ, на гитарѣ хорошо играю, Вѣрочка... Буду, говоритъ, тебѣ романцы пѣть ..

„Ишь ты“ — осклабился поваръ.

Василій между тѣмъ замѣшалъ кашу. Видѣлъ, что нападало много мухъ, но это были пустяки, публика неразборчивая — съѣстъ.

Для себя готовили отдѣльно, всегда мясное и изъ лучшихъ кусковъ; иногда чекистамъ за табакъ вымѣнивали — свлиину, масло и сахаръ.

Ровно въ двѣнадцать выдавали обѣдъ: поваръ разливалъ порціи, а Василій передавалъ сгрудившейся у перегородки толпѣ.

И вотъ тогда начиналась для Василія пытка.

И днемъ и ночью думалъ Василій — узнаютъ кто нибудь въ толпѣ изъ старыхъ знакомыхъ по Одессѣ... и тогда разстрѣлъ.

Еще былъ молодъ Василій той свѣжей двадцатипятилѣтней молодостью, когда жизнь кажется сплошнымъ узорнымъ ковромъ, словно и не начиналъ еще жить

Революція застигла врасплохъ, какъ разливъ рѣки въ его родномъ уѣздномъ городѣ, смяла, унесла, провела черезъ Кубань и Крымъ въ бѣлыхъ кошмарныхъ походахъ — нѣкогда было вздохнуть надышаться веснами, любить женщинъ и сочинять стихи.

Кажется, такъ недавно выстукивали пулеметы — и вотъ, тишина... степь .. солнечные, лѣтніе, пригожіе дни

„Теперь бы вздохнуть“ — думалъ Василій — прошлое забывалъ: смерть родныхъ и гибель знакомыхъ.

Былъ онъ одинъ въ степяхъ съ жесткой своей, безпамятной юностью И одинъ былъ онъ съ жадными, открытыми, ненасытными очами, съ душой незазубренной еще горемъ, желавшей любить и любившей уже солнце, степь и крѣпкій степной вѣтеръ.

И порывъ къ жизни былъ у Василія стихійнымъ, какъ у ростка, пробивающагося наружу сквозь толщу земли и сплетенья другихъ растеній.

А между тѣмъ что-то мѣшало, и это что-то — былъ страхъ, надоѣдливо проклевывающійся въ дѣйствительность острымъ своимъ ехиднымъ клювомъ.

„Умереть, исчезнуть, быть разстрѣляннымъ.. стать землей и тлѣніемъ, чтобы навсегда погасло солнце — ужаснѣй мысли не было для Василія.

Ночью въ своей комнатѣ просыпался съ холоднымъ страхомъ, вслушивался въ раздававшіеся въ корридорѣ шаги.

Напротивъ дверь въ двери былі Чека .. Желѣзнодорожная Орточека.

Иногда только бренчала гитара: пѣлъ Тихій, Мишка Тихій — чекистъ изъ плѣнныхъ галичанъ...

Иногда на кого-то кричали... Слышалъ матерную брань и угрозы. Приподымался въ постели, судорожно стиснувъ подушку, думалъ — сегодня, можетъ быть и меня...

Въ комнатѣ было темно и страшно. Нелѣпо бѣлѣли клочки сорванныхъ обоевъ. За окномъ вѣтеръ трепалъ шелковицу. И равнодушно мигали въ безлунномъ небѣ звѣзды.

А днемъ, выдавая обѣды, чувствовалъ на себѣ острые взгляды чекистовъ и опять сверлила мысль: узнаютъ, вдругъ узнаютъ..

Только раздавъ обѣды дѣлался спокойнѣе Василій —подметалъ кухню и чистилъ огромные мѣдные чаны.

Правда, ругался поваръ Геннадій Семеновичъ, придирался къ каждой роботѣ — не взлюбилъ онъ Василія съ перваго раза почему-то.

„Кто же чиститъ сперва помидоромъ, хотицца мнѣ знать? Ты возьми золой выскреби сначала.. Зола усю ржу пережреть...“

И, покачавъ головой, хмуро и ядовито усмѣхался:

„Никудышный ты человѣкъ, Василій совсѣмъ никудышный“.

Морщилъ брови Василій, молчалъ — что съ хамомъ разговаривать, думалъ.

Спѣшилъ наколоть къ утру щепокъ, наносить въ баки воды и, окончивъ работу, уходилъ за дорогу въ поля.

Прямо въ траву ложился Василій, въ мягкій пырей, выбивавшій уже колосья, подъ насыпью, у полотна, напротивъ станціи.

Пахла земля прянымъ живогнымъ запахомъ — чебрецомъ, полынью, медункой; вѣтеръ, какъ паутина, облипалъ лицо, дышалъ поспѣвающей рожью, трепалъ волосы, шумѣлъ въ ушахъ.

Иногда приходилъ поѣздъ, безъ росписанія, ненарокомъ—спрыгивали на платформу красноармейцы и матросы, гуляли, дымили цыгарками, задирали проѣзжихъ дѣвокъ, балагурили.

Въ алыхъ штанахъ проходили буденовцы, со шпицами на головахъ и красными лентами въ петлицахъ — румянощекіе, широкіе въ плечахъ, часто съ рябыми лицами, изъѣденными оспой.

Видѣлъ Василій — Вѣрка и Нюська выходили на платформу. Нюська смотрѣла въ лорнетъ — подарилъ ей чекистъ Алешка—лускала сѣмячки, взвизгивала отъ смѣха и стрѣляла глазами въ матросовъ.

И все это было чужое и мало знакомое, словно попалъ Василій иа луну или къ марсіанамъ—все, — и разговоры и люди.

Но кричалъ во ржахъ перепелъ до боли знакомымъ крикомъ: „Пить-подать... пить - подать...“ Летали надъ головой зеленыя глазастыя стрекозы и извѣчно курилась степь далекимъ маревомъ, отсѣкая серебряной лентой подножье припухшихъ на горизонтѣ холмовъ.

II.

Начальникъ столовой Степанъ Парамонычъ — изъ стрѣлочниковъ—подводилъ по субботамъ счеты.

Садился съ утра къ колченогому столику на кухнѣ, неумѣло бралъ въ руки перо и макалъ въ запыленную чернильницу. Стряхивалъ въ сторону прицѣпившуюся муху и говорилъ:

„Мнясо, стало быть, восемнадцать пудовъ въ расходъ. Ишь сколько сожрали...“

И хотя самъ Степанъ Парамовычъ кралъ каждый мѣсяцъ совмѣстно съ поваромъ пудовъ до пяти—цифра расхода казалась ему чрезмѣрно великой.

Хмурилъ рыжія брови, поковыривая въ зубахъ кончикомъ деревянной ручки, и тяжело вздыхалъ.

„Вы, Геннадій Семенычъ. шпингалетамъ этимъ изъ кооператива ужиновъ не выдавайте. Пущай имъ Учпрофсожъ отпускаитъ кормовые...“

Поваръ кивалъ головой, щурясь хитрыми знающими глазами.

Разъ какъ то запутался Степанъ Парамонычъ въ цифрахъ, выругался крѣпкимъ словомъ и подозвалъ Василія.

„Ты моложе — сказалъ онъ — глянь, что здѣся написано. Никакъ не разберу.., должно быть девятка, а можетъ стать, что и пятерка.“

Василій взялъ вѣдомость и сразу нашелъ ошибку.

Съ тѣхъ поръ Степанъ Парамонычъ часто пользовался услугами Василія и даже говорилъ подъ пьяную руку:

„Вотъ гляну я на тебе, Васька, — вижу человѣкъ ты съ понятіемъ, да и грамотѣ обученъ. Думаю — пропадаитъ человѣкъ здря... што, думаю, кабы ему въ тяляграфисты опредѣлиться...“

И наклонивъ на бокъ голову съ выпирающимъ у горла щетинистымъ и острымъ кадыкомъ, добродушно ухмылялся.

И потомъ уже серьезно, наморщивъ брови, говорилъ:

„Только вотъ надо, братуха, въ партію записаться. Ежели партейный, такъ тогда усѣ возможности будешь имѣть. Въ партіи каждый равный — на манеръ родичей. Скажемъ — я тебѣ кумъ, ты ему кумъ — а вмѣстѣ промежъ собой куманисты...“

Слушалъ Василій, молчалъ, что могъ отвѣтить.

Внизу въ пролеткультѣ барабанилъ кто-то по роялю. Заѣзжій комиссаръ подбиралъ однимъ пальцемъ „разлуку“.

Иногда приглашалъ къ себѣ въ домъ Степанъ Парамонычъ — жилъ онъ въ поселкѣ у станціи на частной кватирѣ.

Въ чистенькой горенкѣ съ геранями на окнѣ и глиняными мопсами, усаживалъ въ уголъ за столъ, подчивалъ самогономъ и, быстро хмѣлея, признавался:

„Сволочей много теперя развелось въ народѣ, Василій.. Скажемъ, къ примѣру, на нашей станціи: самой буржуй засѣлъ, чистая контра. Я ужъ и то говорилъ въ чека Поспѣеву: „Прочистить бы надо, говорю, товарищъ Поспѣевъ.. Пашпорта тамъ вывѣрить штоли...“

Холодокъ пробѣгалъ у Василія по кожѣ, хмѣль, какъ рукой снимало, ежился на стулѣ и безпокойно смотрѣлъ въ окно.

Видѣлъ — подъ вѣтромъ піоны качаются въ палисадникѣ, мохнатый шмель грубо по мужицки запустилъ лапы въ цвѣтокъ — отъ цвѣточной пыли штаны у него наросли оранжевые... видѣлъ въ небѣ плыли кисейныя тучи, въ поляхъ отъ нихъ клочьями дымилась тѣнь — хлѣба темнѣли и бронзовѣли густой щетиной. И далеко звучало перепелиное пить подать, пить подать...

Покойно было въ степи—по старому.

Придвигалъ къ себѣ рюмку Василій, разомъ опрокидывалъ въ горло — пріятно согрѣвало и туманило голову, отбивало острыя мысли.

Но по ночамъ, когда оставался одинъ Василій, когда проваливалась въ пустоту комната и только окно синѣло съ черными вѣтками глухо шумящихъ деревьевъ — возвращался знакомый страхъ. Приподымался въ ночи на постели, сжималъ горло липкими руками, заставлялъ открывать глаза и слушать

На утро, пошатываясь шелъ въ кухню — надо было разводить огонь, выдать дѣвкамъ картошку.

Нюська и Вѣрка приходили въ седьмомъ часу. Вѣрка не сразу садилась за работу — доставала карманное зеркальце, смотрѣлась въ него, поправляла прическу, оттопыривъ губу выдавливала вскочившій прыщикъ.

„Вчера Алеша споймалъ въ пассажирскомъ кадета — хвасталась Нюська. Теперь, говорить, безпремѣнно получу награду. Говорить, куплю тобѣ желтыя туфли“.

„Жди, купитъ“—насмѣшливо улыбалась Вѣрка.

„У него, можетъ, для лучшей крали запасы наготовлены“.

Нюська обидчиво сдвигала брови:

„Думаешь, какъ у тебѣ никого нѣту.. курноска...“

„Найдемъ, не бойся“ — спокойно говорила Вѣрка и, повернувшись лицомъ къ стоявшему у плиты Василію, значительно и долго глядѣла ему въ глаза.

Послѣднее время замѣчалъ Василій — Вѣрка часто поглядывала на него какъ то особенно.

Рѣзалъ мясо Василій, строгалъ капусту — чувствовалъ на себѣ ея взглядъ и, какъ сквозь сонъ, сощурившись, припоминалъ:

Давнихъ промелькнувшихъ въ весеннемъ туманѣ, музыку глазъ и улыбокъ... вечера припоминалъ Василій, шорохъ вѣтвей на красномъ языкѣ зари, плѣнительную неумѣлость первыхъ признаній, всю свою короткую и скупую юность..

Въ чанахъ вскипала вода, клокотала, вздымаясь паромъ. Василій готовилъ пшено и думалъ: не все ли равно теперь... пусть хотя бы и Вѣрка...

Поваръ появлялся въ девять — смотрѣлъ на плиту, ругнувъ Василія, говорилъ дѣвушкамъ сальности, гладилъ курчавую бороду, холеной бѣлой рукой съ перстнями.

„Живѣй, живѣй, мамзели - говорилъ поваръ. Сегодня политкомъ обѣдаить съ Кіева“...

Въ двѣнадцать заходилъ иногда Поспѣевъ, начальникъ Орточека, бѣлобрысый, прыщеватый верзила, въ галифе съ краснымъ кантомъ — на шнуркѣ волочилъ за собой болонку.

Молча сверлилъ глазами — впрочемъ навѣрно не видѣлъ: глаза были мутные съ краснымъ ободкомъ отъ пьянства.

Постоитъ, посмотритъ и пойдетъ дальше. Сбоку колыхался у него на ремнѣ синеватый и крупный кольтъ.

Первый къ обѣду приходилъ телеграфистъ Андронниковъ—веснущатое лицо, носъ крохотный, глаза какъ у сома круглые и пустые.

Вѣрка смотрѣла въ окно, отворачивалась, не замѣчала.

Виновато ухмылялся Андронниковъ, говорилъ теноркомъ осипшимъ отъ вѣчной простуды: въ телеграфѣ етекла еще съ зимы не вставляли.

„Вамъ, Вѣра Никитична, письмецо на почтѣ получено. Почтальонъ заходилъ сегодня, сказывалъ“.

„Врете — бурчала Вѣрка. Теперь не обманете., Знаю...“

Андронниковъ косо смотрѣлъ, пощипывалъ жидкую бородку и какъ то бокомъ шелъ къ двери.

„Честное слово, Вѣра Никитична — говорилъ онъ, приходите вечеромъ... письмецо у меня въ канцеляріи“.

„Это ужъ безпримѣнно приду — говорила Вѣрка съ насмѣшкой. Какъ же, ждите мельника съ понедѣльника...“

А потомъ надвигалась толпа — Василій торопливо выдавалъ обѣды и, какъ всегда, дрожали у него руки, и сами собой опускались долу глаза.

III.

Вечерами съ Петра и Павла стало гремѣть въ степи, затемняли зарю сизо-багровыя тучи, полыхало зеленымъ свѣтомъ, на тополяхъ у станцій жалобно завернулись подъ вѣтромъ листья.

Было душно в комнатѣ Василія — степь дышала жаромъ и больше чѣмъ когда-либо пугала зловѣщая тишина.

Освѣщало мгновеннымъ свѣтомъ комнату и рѣшетку окна — листья деревьевъ казались изъ жести — четко выдѣлялась стѣна съ застарѣвшей зеленой плѣсенью.

Вскакивалъ съ постели Василій, босыми ногами шелъ къ окну, облокачивался на бѣлый подоконникъ, смотрѣлъ во тьму широкими испуганными глазами.

Небо нависло черной крышей, змѣилось на западѣ треугольниками молній и, обнажая провалы тучъ, усиливало одиночество и тоску.

Въ огороды за станціей глухо бубнила жаба: бэ-бэ-бэ бэ...

„Нервы—думалъ Василій. Расклеился... Надо взять себя въ руки...“

Но въ одну изъ такихъ ночей, измученный безсонницей, Василій вспомнилъ о Вѣркѣ:

„Комната Вѣрки крайняя со двора“ думалъ Василій. „Если въ однихъ чулкахъ — можно неслышно пройти корридоромъ...“

Осторожно ступая, вышелъ за дверь. Соображалъ — испугается... сонная... можетъ съ испугу крикнуть...

Въ корридорѣ было темно, какъ въ могилѣ. Ощупью нашелъ дверную ручку, потянулъ, дверь не заперта—чуть скрипнувъ, открылась. Увидѣлъ окно Василій. Тускло бѣлѣлъ потолокъ.

„Вотъ тамъ, должно быть, кровать чернѣетъ...“

Неслышно подошелъ Василій — Вѣрка спокойно спала, разметавшись въ постели.

Одѣяло было сброшено на полъ; рубашка на груди растегнулась

Василій стоялъ съ минуту, молча.

Зналъ Василій, что это послѣдній шагъ, что сейчасъ погаситъ въ душѣ самое дорогое и сокровенное, что это съ отчаянія и подумалъ—прошлаго нѣтъ.

И уже спокойно наклонился и, покачнувшись, сѣлъ на кровать.

Вѣрка, испуганно всхлипнувъ, широко открыла глаза.

„Это я.. я... Не бойся — сказалъ Василій. Я пришелъ Вѣра, видишь—сама завлекла, не отрекайся“.

Въ густомъ полумракѣ комнаты только и видѣлъ Василій блестящіе ея глаза и тонкую полоску рта, уже искривленную легкой усмѣшкой.

„Ахъ, ты лоботрясъ“—шепнула Вѣрка и, запустивъ пальцы въ густые его волосы, мягко притянула его къ себѣ.

„Вотъ и все“ — подумалъ Василій, словно озарила блеснувшая за окномъ молнія вмѣстѣ съ жемчужнымъ краемъ далекаго ночного облака обрывокъ давней сказочной жизни.

Всю нѣжность, спрятанную на днѣ души отдавалъ теперь Василій. Всю свою тоску и любовное томленіе долгихъ лѣтъ — почти не сознавалъ гдѣ онъ. Чувствовалъ только, какъ стихаетъ мучившая въ послѣднее время тупая боль, думалъ —вотъ не одинъ— гладили его по щекамъ мягкія добродушныя дѣвичьи руки.

Стрекотала Вѣрка, прижимаясь:

„Что я тебѣ скажу, Вася... Въ комсомолѣ будить у пятницу вечеринка. Я знаю, потому что у повара леду просили для буфета... Пойдешь, Вася?. Нюська злицца—ейное платье моль поѣла...“

Слушалъ Василій, гладилъ ея плечи закорузлой своей, шершавой отъ работы рукой, смотрѣлъ въ темноту пустыми невидящими глазами.

IV.

Кіевскій поѣздъ былъ самый людный - ѣхали мѣшечники съ сахаромъ и мануфактурой, какъ муравьи облѣпляли поѣздъ, висѣли на подножкахъ и на крышахъ вагоновъ.

Гомономъ наполнялась станція, руганью, криками и плачемъ. Кого-то арестовала чека, у кого-то украли деньги.

Сѣрые запыленные мужики въ ветхихъ полотняныхъ рубахахъ пригоршнями пили воду въ желѣзнодорожномъ буфетѣ, тамъ же и умывались подъ краномъ, отхаркивая на полъ прямо на головы лежащихъ вповалку людей.

Были у мужиковъ мохнатыя бороды, а глаза маленькіе и дикіе съ красноватыми вѣками, что-то таящіе хитрое, свое, степное, мужичье.

Въ грязномъ и дымномъ залѣ, когда-то перваго класса пролеткультъ устраивалъ митингъ — недавно разбили Врангеля, теперь праздновали побѣду.

Говорилъ какой то латышъ, потомъ пѣла актриса — маленькая худощавая женщина съ тоскливымъ голоднымъ взглядомъ. Потомъ оркестръ Вохры игралъ революціонное

На кухнѣ Василія рвали на части — не успѣвалъ раздавать обѣды; сгрудилась толпа — требовала, кричала.

Поваръ Геннадій Семенычъ суетливо разливалъ по тарелкамъ, ругался крѣпче, чѣмъ обыкновенно и язвилъ:

„Ты сегодня безрукій какой-то, Василій... Посмотрю я на тебѣ... прямо-таки некудышный человѣкъ... Одно слово“.

Стискивалъ зубы Василій, обжигаясь хваталъ тарелки и сторожко, глядя по сторонамъ, выходилъ къ ожидавшей толпѣ.

Видѣлъ Василій синіе шлемы на головахъ, расшитые алыми звѣздами — это чекисты, а вотъ тѣ, въ лохматыхъ папахахъ — буденовцы или Котовцы. Скользилъ глазами быстро и остро, по привычкѣ все замѣчалъ.

И однажды увидѣлъ — подошелъ къ повару человѣкъ въ кожанной курткѣ. Наклонился, что-то шепнулъ. У повара удивленно поднялись брови. И по какому-то внутреннему ощущенію, такъ, словно ему было давно извѣстно, понялъ Василій — говорятъ о немъ.

Въ дверяхъ замѣтилъ—столпились вооруженные красноармейцы — передній съ рябымъ лицомъ смотрѣлъ на него, не мигая, и отъ этого упорнаго взгляда забилось у Василія сердце тревожнымъ, неровнымъ стукомъ.

Кожанная куртка придвинулась ближе. Увидѣлъ безусое лицо мертвенно блѣдное, съ безкровными губами и жестокой складкой у рта.

„Вы товарищъ Архиповъ? — спросилъ подошедшій. И не ожидая отвѣта въ упоръ: по постановленію чрезвычайной комиссіи вы арестованы“.

Нѣсколько красноармейцевъ отдѣлилось изъ группы, стоявшей у двери, и окружили Василія.

„Видно судьба — подумалъ Василій, сразу почувствовавъ усталость и безразличіе, и уже покорно, слегка наклонивъ голову, медленно переступая, пошелъ къ двери.

Но когда остался одинъ въ темномъ станціонномъ подвалѣ, когда захлопнула за нимъ дверь синеву лѣтняго неба и птичій щебетъ, запахъ полей и солнечную яркость дня — все, что опьяняло его бодрой веселой радостью — понялъ Василій: здѣсь, въ этой черной ямѣ, гдѣ-то совсѣмъ близко, за плечами, страшная, непонятная, Она — смерть.

Припалъ къ окну жадными глазами — видѣлъ только небо и въ немъ облака. Теперь это казалось какой-то ужасной наглостью — небо и облака — а онъ, Василій, умретъ.

Сжалъ голову руками — слышалъ какъ бьется на вискѣ жилка — упалъ на землю въ уголъ, на

охапку соломы, въ первый разъ за эти годы заплакалъ.

Потомъ вскочилъ въ дикой ярости — почувствовалъ въ себѣ животную силу – бѣшенно сталъ шатать рукой прутья оконной рѣшетки. Кусокъ штукатурки обвалился, упалъ къ ногамъ.

За дверью услышалъ шаги — звякнулъ кто-то ключами. Пахнуло опять полями въ лицо... Ослѣпило горячимъ солнцемъ

„Товарищъ Архиповъ... къ допросу..."

Лихорадочно заработалъ мозгъ: „Допросъ... потомъ разстрѣлъ... офицеръ... узнаютъ... можетъ быть, уже знаютъ все... бѣжать... теперь... свалить часового...

Сердце уже почти готово было выпрыгнуть. Горло перехватило спазмой.

Все равно... все равно... Смерть.. Мракъ...

Торопливо вышелъ за двери.

И тотчасъ же, какъ только охватилъ взглядомъ желтыя пятна лицъ, островерхіе шлемы, револьверы въ протянутыхъ рукахъ — слѣпо, наобумъ, съ бѣшенной силой толкнулъ ближняго чекиста.

Нѣсколько выстрѣловъ хлопнуло разомъ:

Что-то обожгло... Толкнуло въ спину... Хотѣлъ бѣжать—не слушались ноги. Поплылъ куда-то въ сторону сплошнымъ зеленымъ пятномъ маленькій садъ у станціи. И хватая руками воздухъ, судорожно растопыривъ пальцы, въ послѣдній разъ увидѣлъ обрывокъ неба — сперва голубого, потомъ порозовѣвшаго и вдругъ неожиданно чернаго, какъ тьма...

V.

„Чего-то мнѣ хотицца, а чего, не пойму — говорилъ Степанъ Парамонычъ повару на кухнѣ. Спозаранку мучаить изжога... Вчерась съ Алешкой самогонъ глушили".

Поваръ почесалъ за ухомъ и сощурилъ хитрые глаза.

„Для ради такого случая могу вамъ редису свѣжаго предложить Только надо самимъ накопать въ огородѣ".

Спустились внизъ во дворъ. Сразу у перваго семафора подъ насыпью зеленѣлъ коммунальный огородъ. Степанъ Парамонычъ морщился отъ солнца, прикрывалъ глаза ладонью и, отрыгивая, говорилъ:

„И когда, наконецъ, ихъ усѣхъ повылавливаютъ, интересно.. Я это насчетъ Василія... Вѣдь гляньте, какой былъ тихій гадъ. По емъ никакъ не узналъ бы, что за человѣкъ. Я же его еще у себя принималъ какъ товарища".

Изъ подъ ногъ неожиданно выкатилъ заяцъ — прижалъ сѣрыя съ кисточкой уши и шарахнулся въ сторону.

Поваръ заложилъ въ ротъ пальцы и пронзительно свистнулъ.

„Ать, ать, ать", закричалъ Степанъ Парамонычъ.

Заяцъ перепрыгнулъ овражекъ и на половину скрылся въ травѣ; долго еще были видны его прыгающія въ травѣ уши.

Пряно пахло въ огородѣ укропомъ и помидорами. Желтыя бугорчатыя тыквы добродушно лежали подъ солнцемъ.

„Опять повыростали, черти — выругался поваръ и, наклонившись къ землѣ, сталъ выдергивать буйно разросшуюся лебеду и молочаи.

Въ сторонѣ на грядкѣ съ капустой одиноко высилось маленькое вишневое деревцо, по ошибкѣ оставленное съ весны. Сиротливо висѣли на немъ двѣ — три расклеванныхъ воробьями вишни.

„Не пущаить въ капусту солнца" — подумалъ поваръ и, захвативъ рукою тонкій еще гибкій стволъ, потянулъ кверху.

Деревцо не поддавалось: крѣпко засѣло въ землѣ корнями. Напружились у повара мускулы подъ рубашкой, а на шеѣ вздулись жилы.

„А — а, холера... не хотишь.., я тебѣ сичасъ. ." и, пошатнувшись слегка на ногахъ, внезапно вытащилъ корнями наружу.

„Ровно зубами вѣлась — посмотрѣлъ Степанъ Парамонычъ. Ишь, какъ порвало землю".

Рубащка у повара сразу намокла потомъ темнѣли на спинѣ сѣрыя пятна.

Сверху золотымъ потокомъ струилось солнце, дышало огнемъ и степной пахучей гарью, слѣпило глаза, расплескавшись до горизонта.

И казалось плыли куда-то далекіе сиреневые холмы въ непонятномъ степномъ маревѣ.

„Паритъ" — сказалъ Степанъ Парамонычъ.

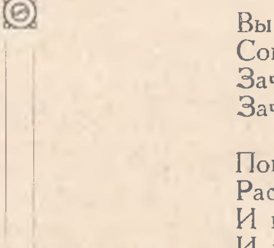
И, снявъ съ головы черную свою желѣзнодорожную фуражку, сталъ махать ею вокругъ лица и потной кирпичной шеи.

Чехословакія
Прага, 1926.

Василій Федоровъ.

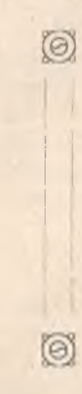
*
*

Вы руку ласково пожали,
Согнулись въ худенькихъ плечах ...
Зачѣмъ уста до крови сжали?
Зачѣмъ опять тоска въ очахъ?

Повѣрьте, всѣмъ свѣтлѣе станетъ:
Растаетъ ледъ застывшихъ слезъ,
И мгла предателей проклянетъ,
И въ голубомъ сойдетъ Христосъ.

И мы, которые устали,
Душой къ отчизнѣ полетимъ...
И въ затуманенномъ провалѣ
Мы все поймемъ и все простимъ.

Ревель 1926

Конст. Тенукестъ,

Константинъ Дмитріевичъ
Бальмонтъ.

К. Д. Бальмонту.

Пѣвецъ цвѣтовъ, пѣвецъ просторовъ,
Любви и юности пѣвецъ,
Ты изъ причудливыхъ узоровъ
Соткалъ себѣ златой вѣнецъ!

Твой стихъ свободенъ и изысканъ,
Въ немъ Солнце, Ширь и Красота,
Онъ ароматами опрысканъ,
Въ немъ мысли свѣтлой высота!

Ты вѣчно юный и привѣтный,
Съ твореньемъ новымъ для сердецъ,
Вставляешь камень самоцвѣтный
Въ свой ослѣпительный вѣнецъ!

Пинскъ 1927.

Д. Майковъ

Россіи.

Далеко моя сказка завѣтная,
Моя скорбная, свѣтлая Русь...
Все тоскливѣе даль непривѣтная,
Все больнѣе вечерняя грусть.

И сегодня, во власти видѣнія,
Оступился и въ бездну упалъ —
Былъ я гордъ — захотѣлъ откровенія
И цвѣты свои грубо топталъ.

И когда истомленный очнулся,
Видѣлъ — нѣтъ мнѣ дороги назадъ:
Не спроста черный крестъ покачнулся,
Не распустится розовый садъ.

Понялъ ясно, что буду наказанъ:
Не увижу родимыхъ полей.
И теперь, когда часъ мой указанъ,
Ничего нѣтъ отчизны милѣй.

Вижу крестъ за чертою сосѣдней —
Наступилъ мой чередъ умереть...
И безъ злобы и слезъ въ часъ послѣдній
Я о сказкѣ моей буду пѣть.

О схороненныхъ въ пѣснѣ печаляхъ,
О раздольѣ родимыхъ сторонъ;
О молитвенныхъ сѣренькихъ даляхъ,
Гдѣ такъ тихо разносится звонъ.

Охватила тоска безотчетная...
Эхъ бы счеты съ змѣею свести!
Моя родина, радость залетная,
Недопѣвшаго пѣсню — прости.

Прага 1926.

Константинъ Тенукесть.

Уходъ.

На обояхъ блѣдныхъ, желтаго оттѣнка,
Умирали розы, розы Марешаль,
А въ углу у кресла возлѣ самой стѣнки
На полу подъ лавкой — газовая шаль.

На стѣнѣ открытки сладко улыбались,
На кровати спалъ, свернувшись, сѣрый котъ,
Темныя иконы къ полотенцамъ жались
И блестѣлъ упрекомъ гладкій ихъ кіотъ.

На столѣ записка нервною рукою
Нѣсколько безсвязныхъ, непонятныхъ словъ:
„Ухожу на вѣки! Будь Господь съ тобою!
Эфемерны счастье, ласка... и любовь!“

— — — — — — — — — — — —

И идя съ работы возлѣ старой ивы
Стало ему душно и чего-то жаль,
Шелестѣли тихо овсы желтой нивы,
А на сердце пала темная печаль.

Сталъ онъ на порогѣ хаты своей бѣлой.
На обояхъ розы, розы Марешаль,
Но тоскою терпкой, горькой, недозрѣлой
На полу синѣла газовая шаль.

Вильна 1927.

Екатерина Козакевичъ

* * *

Обручилась я съ тобою, мой печальный,
Раннею весной;
Мгла озеръ была моей фатой вѣнчальной,
Складкой парчевой.

Помнишь-ли тогда, сквозь ставни къ намъ врывались
Отблески зарницъ;
На обояхъ темныхъ, вспыхнувъ, загорались
Острія рѣсницъ.

Помнишь-ли тогда, таинственнымъ казался
Шепоть дальнихъ струй,
На устахъ горячихъ дрожью нарождался
Первый поцѣлуй.

Обручилась я съ тобою, мой печальный,
Прошлою весной.
Мгла озеръ была моей фатой вѣнчальной,
Складкой парчевой.

Вильна 1927.

Екатерина Козакевичъ

„Ярь“.

Расплавленъ день. Зелёны срывы
Сбѣгающихъ къ рѣкѣ холмовъ,
И золотые переливы
Струитъ рѣка у береговъ.

Горячій воздухъ. Ярки дали,
И самоцвѣтами въ травѣ
Цвѣты простые засверкали.
Въ оврагѣ щелкнулъ соловей.

И смолкъ, сраженный мощью солнца...
Вдали-жъ на брега крутизнѣ
Я вижу храмъ, его оконца
Горятъ въ лучистой желтизнѣ.

Плескъ веселъ отвлекаетъ взглядъ!
Смотрю, буравится челнокъ
Въ рѣчной, застывшей, яркой глади,
Бросая тѣнь на дна песокъ.

И въ этотъ день, лучомъ одѣтый
Въ горяче - золотую ярь,
Я, сынъ земли, молился лѣту,
Какъ пращуръ мой въ сѣдую старь!

Гродно 1927 г.

Сергѣй Бѣлоблоцкій.

Не тревожь старыхъ ранъ.

Не тревожь старыхъ ранъ, что зажили давно,
Не буди и въ душѣ ты сомнѣнья,
Я какъ ты, все забылъ и теперь все равно
Мнѣ улыбкой не дашь вдохновенья,
Не навѣешь мечты, не согрѣешь меня
Поцѣлуемъ горячимъ иль нѣжнымъ.
И потухшую искру святого огня
Не зажгешь своимъ взглядомъ мятежнымъ.
И святыню мою неземной красоты,
Оскверненную, вновь не воздвигнешь,
Не вернешь ты мнѣ мой идеалъ чистоты
И преддверья любви не достигнешь!..
Не тревожь старыхъ ранъ, что зажили давно,
Не буди и въ душѣ ты сомнѣнья —
Я какъ ты все забылъ и теперь все равно
Поцѣлуемъ не дашь мнѣ забвенья...

Вит. Минючицъ.

Гродно 1927.

Разлука.

Умчался съ грохотомъ и свистомъ
Желѣзный змѣй...
Уже не видно въ полѣ мглистомъ
Его огней...

Я одиноко покидаю
Пустой вокзалъ...
Усталымъ сердцемъ вспоминаю,
Что онъ сказалъ...

Бреду безъ воли и безъ силы...
Туманна даль...
И будитъ въ сердцѣ голосъ милый
Одну печаль...

А Май.

Ровно, 5. окт. 1926.

ХРИСТІАНСТВО И МАРКСИЗМЪ.

Лекція **Н. А. Бердяева** во Львовѣ.

Карлъ Марксъ сыгралъ исключительную роль въ общественной жизни и опредѣлилъ роковымъ образомъ судьбы Россіи.

Къ марксизму можно подходить съ разныхъ точекъ зрѣнія — философской, соціальной, экономической.

Въ смыслѣ философскомъ марксизмъ во многихъ своихъ частяхъ устарѣлъ. Современными европейскими философами онъ отвергнутъ. Его признаетъ только Россія.

Но будучи объективнымъ, нельзя не отмѣтить, что марксистское ученіе поражаетъ своей цѣльностью, своимъ стремленіемъ захватить всѣ стороны жизни, своей дерзновенной попыткой создать цѣлое міросозерцаніе — не только философское, но и религіозное.

Самъ Марксъ вышелъ изъ философіи Гегеля; онъ былъ насыщенъ германскимъ идеализмомъ. Тѣсныя нити связывали его не только съ Гегелемъ, но и съ Фейербахомъ — выдающимся представителемъ лѣваго крыла гегельянства. Но въ то время, какъ Гегель, будучи чистымъ идеалистомъ, создалъ систему панлогизма, раскрывающую начало разума въ самомъ фундаментѣ міра и приписывающую этому разуму діалектическое развитіе — по тезису, антитезису и синтезу, — въ то же время Марксъ опредѣленно сталъ на діаметрально противоположную платформу — философскаго матеріализма, а свое ученіе парадоксально назвалъ „экономическимъ или діалектическимъ матеріализмомъ". Въ этомъ коренится основная ошибка. Сами понятія „діалектика" и „матерія" несовмѣстимы. Діалектическое развитіе присуще только разуму, міру идей, но отнюдь не матеріальному процессу.

Сосредотачивая свое вниманіе на историческихъ событіяхъ, Марксъ утверждаетъ, что въ ихъ основѣ лежитъ хозяйственный и экономическій процессъ, являющійся единственной подлинной реальностью, наростаніе стихійныхъ силъ человѣка и борьба со стихійными силами природы. Развитіе этихъ силъ есть первофеноменъ, все остальное — эпифеноменъ. Всѣ идеологіи, религія, этика, право, искусство, творчество, — все это иллюзіи, надстройки, не самостоятельныя начала, а отраженіе въ сознаніи хозяйственно-экономическихъ условій жизни и психологіи классовъ.

Марксъ былъ увѣренъ, что сдѣлалъ подлинное открытіе, нашелъ истинный ключъ къ пониманію тайны историческаго процесса.

Но исходя изъ этихъ утвердженій Маркса, мы приходимъ къ основнымъ внутреннимъ противорѣчіямъ, раздирающимъ марксизмъ.

Если мы согласимся, что взглядъ Маркса на идеологію, науку, философскія ученія и т. д. правиленъ, то возникаетъ вопросъ: „что же представляетъ изъ себя самъ марксизмъ?" — а за нимъ слѣдуетъ неизбѣжный отвѣтъ, что ученіе Маркса подпадаетъ подъ открытіе Маркса, т. е. марксизмъ есть тоже отраженіе въ сознаніи экономическаго процесса, есть иллюзія, никакой подлинной правды не открывающая, — а слѣдовательно, претензіи Маркса на разоблаченіе тайны историческаго процесса не имѣютъ никакихъ основаній. Получается заколдованный логическій кругъ, философски непріемлемый. А если Марксъ его не обнаружилъ или съ нимъ мирился, то лишь исключительно по философской наивности, потому что онъ не прошелъ философской школы.

Таковы основные философскіе противорѣчія въ ученіи Маркса.

Но несмотря на его слабость съ этой стороны, въ немъ таится большой и глубокій пафосъ. Это не пафосъ, вытекающій изъ силы разума, изъ силы духа или творчества, это — пафосъ внѣшняго могущества, пафосъ побѣды организованной силы человѣка надъ стихійными силами природы, наконецъ, — пафосъ побѣды соціальнаго организма, сильнаго коллектива.

Все историческое значеніе Маркса заключается въ томъ, что ему удалось подвинуть къ невыразимой активности соціальныя массы. Онъ сдѣлался кумиромъ рабочихъ всего міра. Это потому, что въ его ученіи воплотилась соціальная доктрина. Массы не интересуются ни философіей, ни наукой, — и въ марксизмѣ ихъ захватила другая сторона, въ котрой и заключенъ центръ его силы. Это —

идея классовой борьбы и особой миссіи пролетаріата, который явился соціальнымъ плодомъ индустріально-капиталистической системы.

Марксъ вѣрно подмѣтилъ, что въ XIX вѣкѣ обострилась борьба между классами и большую роль играли экономическіе вопросы. Весь XIX вѣкъ жилъ подъ знакомъ экономизма, означавшаго духовную деградацію и извращеніе іерархіи цѣнностей. Но Марксъ былъ неправъ, обобщая этотъ фактъ, придавая ему значеніе не относительное, а абсолютное. Онъ былъ неправъ, принимая временное явленіе за вѣчную основу.

Видя, что условія жизни сдѣлались въ XIX вѣкѣ господствующими началами, опредѣляющими цѣль и смыслъ жизни, Марксъ повѣрилъ, что разоблачилъ въ этомъ основаніе исторіи, и онъ пришелъ въ восхищеніе... — вмѣсто скорби.

Онъ повѣрилъ, что въ смѣнѣ классовъ и въ процессѣ соціальной борьбы въ XIX вѣкѣ появится классъ, раньше небывшій въ исторіи, — это рабочій классъ, мессіанскій, — пролетаріатъ, изъятый изъ иллюзіи сознанія и изъ первороднаго грѣха исторіи — эксплоатаціи.

Тутъ мы открываемъ въ ученіи Маркса чисто религіозныя категоріи мышленія, восходящія къ библіи. Поэтому оно не можетъ быть обосновано познавательно, не можетъ имѣть значенія объективно убѣждающаго.

Марксъ увѣренъ, что съ побѣдой пролетаріата кончится „введеніе въ исторію" и начнется подлинная исторія или „сверхисторія"; съ этого историческаго момента человѣчество перейдетъ „изъ царства необходимости въ царство свободы".

Важно отмѣтить, что Маркса вдохновляло не то, что извѣстный соціальный классъ угнетенъ и надо его спасти, — его вдохновляла мощь, сила которую онъ этому угнетенному классу приписывалъ, грядущее преображеніе міра, начало новой эры.

Для насъ его вѣра непонятна. Фабрика, изъ которой, собственно говоря, и выходитъ пролетаріатъ, часто морально деградируетъ, — и почему ей приписывается сила возрожденія — объективно непостижимо.

„Вѣра — обличеніе вещей невидимыхъ" — такъ опредѣлилъ ее Апостолъ Павелъ. Пролетаріатъ является для Маркса такимъ предметомъ вѣры. Это — не реальный пролетаріатъ, существующій въ исторіи, а нѣчто отвлеченное.

Необходимо подчеркнуть въ марксизмѣ еще одинъ моментъ — внутренно парадоксальный.

Марксизмъ по существу — доктрина аморальная. Правда и неправда для Маркса — понятія относительныя, явившіяся плодомъ экономическаго процесса. Соціализмъ онъ не обосновывалъ, какъ протестъ противъ несправедливости. „Научный и моральный соціализмъ" (недопустимое словосочетаніе!) онъ презиралъ. И въ то же время марксизмъ полонъ моральной фразеологіи. Въ С. С. С. Р. мы на каждомъ шагу съ этимъ сталкиваемся. Возьмемъ хотя бы плакаты, — они полны потрясающей ненависти во имя осуществленія справедливости, — а справедливость, вѣдь, категорія моральная.

Смѣна классовъ не имѣетъ никакого отношенія къ морали. Между тѣмъ у Маркса существуетъ религіозная вѣра, что всѣ классы были изначально въ неправдѣ. Но правда — не есть категорія экономическая.

Итакъ въ марксизмѣ мы встрѣчаемъ логически чудовищное сочетаніе элементовъ взаимно исключающаго порядка. Квази-научные элементы выступаютъ наравнѣ съ понятіями, содержащими въ себѣ моральную оцѣнку, — и къ этому всему присоединяется еще изступленная вѣра, противополагающаяся христіанской религіи.

Марксъ — атеистъ Всѣмъ извѣстны его слова: „религія — опіумъ для народа". Позиція Маркса непримиримая.

Но искореняя религію, что предлагаетъ Марксъ міру?

Исходя изъ Фейербаха, Марксъ начинаетъ съ самоутвержденія человѣка. Такъ обстоитъ дѣло теоретически. Но когда эта система проводится въ жизнь, тогда начинается отрицаніе человѣческой личности. Идея грядущаго соціальнаго коллектива умаляетъ до крайнихъ предѣловъ человѣческій образъ. Коллективъ — это чудовище, поглощающее индивидуумъ. Свобода человѣческой личности, свобода мысли и творчества, жизнь познавательная, художественная, — все это принудительно подчиняется соціальному коллективу, который опредѣляетъ всю жизнь.

Марксъ вѣритъ, что съ торжествомъ пролетаріата, который введетъ диктатуру, настанетъ совершенный соціальный строй, который принесетъ добро всѣмъ. Но эта идея чудовищна по своему отрицанію значенія нравственной свободы въ осуществленіи правды и добра.

Никогда государство не притязало на организацію душъ. Это — компетенція Церкви. И если государство хочетъ это дѣлать, — то лишь въ порядкѣ злоупотребленія. Согласно ученію Маркса государство и соціалистическое общество притязаетъ на то, чтобы организовать полноту человѣческой жизни. Но тогда получается теократія — только съ обратнымъ знакомъ.

Во имя атеистической религіи изъ нѣдръ пролетарской революціи выходитъ соціалистическій коллективъ, какъ новое всепоглощающее божество.

Коммунизмъ приходитъ не только къ отрицанію Бога, но и къ отрицанію человѣка Отдѣльный идивидуумъ становится орудіемъ для осуществленія идеи организованнаго коллектива.

Русскій коммунизмъ носитъ нѣкоторыя восточныя черты, отличающія его отъ западнаго кокоммунистическаго движенія.

Русскій коммунизмъ идейно вытекаетъ изъ марксизма. Объ этомъ свидѣтельствуетъ его атеистическій характеръ, его вѣра въ миссію пролетаріата, его ненависть къ буржуазнымъ классамъ.

Русскій коммунизмъ одинъ изъ грандіозныхъ историческихъ экспериментовъ, опровергающихъ истину экономическаго матеріализма.

Онъ выросъ на полѣ войны и экономическаго разгрома. Въ немъ проявились нѣкоторыя черты, идущія въ разрѣзъ съ самой доктриной марксизма. Крестьянство для Маркса — отсталый классъ Избранный классъ — это пролетаріатъ. Въ Россіи же преобладающей массой является крестьянство, пролетаріатъ составляетъ сравнительно незначительный процентъ. Марксисты въ Россіи повѣрили, что можно установить диктатуру меньшинства. Но въ этомъ была ихъ историческая ошибка.

Давно уже появились теоретическія критики марксизма. Но русская революція изобличила его ложность практически, жизненно. Въ этомъ ея міровое значеніе.

Никакой новой культуры пролетаріатъ не создалъ. Культура — вѣчная

Львовъ, 1927 г. *II.*

БЫВАЛО. . .

Кіевская Духовная Академія, основанная въ 1615 г., въ видѣ Кіевско-Братской школы (при Братскомъ Монастырѣ) — сразу же стала, какъ среднее учебное заведеніе, наравнѣ — а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и выше — западно-европейскихъ „коллегіумовъ", усиленно насаждаемыхъ въ эти времена іезуитами во всѣхъ католическихъ государствахъ, а главнымъ образомъ въ Польшѣ, которая, съ одной стороны, разсматривалась Римомъ какъ „плацъ-дармъ" для наступленія на востокъ, съ другой—сама висѣла въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ на волоскѣ отъ потери своей ультра-католической физіономіи, вслѣдстіе охватившаго польскую, — а на кресахъ и русскую шляхту, — широкаго кальвинитическаго (соціанство) и протестантскаго движенія. Въ Кіевобратской школѣ русская молодежь самымъ основательнымъ образомъ изучала древніе языки, греческую литературу, богословскія науки и риторику. При этомъ свободная отъ рамокъ и шоръ, къ которымъ прибѣгали іезуиты, чтобы не допустить „вольномыслія" въ сферу науки, братская школа не такъ утопала въ схоластикѣ, какъ современные ей польскіе „коллегіумы". Воспитанники ея, знакомясь съ древнимъ міромъ, познавали его суть, охватывались его активнымъ, жизнерадостнымъ настроеніемъ, а не усваивали себѣ изъ него только тѣ литератуныя произведенія, которыя отвѣчали пессимистическому настроенію, насаждаемому іезуитами въ средѣ своихъ учениковъ, и стремленію служителей „святой инквизиціи" представить „грѣховнымъ"—все человѣческое. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ отличіе отъ польскихъ училищъ, кіево-братская школа, а потомъ Могилянская Академія — не порывали связи съ народомъ — и при томъ не высшими его классами – а самымъ низомъ, съ крестьянствомъ, мѣщанствомъ и козачествомъ, Помимо демократическаго состава воспитанниковъ, въ среди которыхъ представителей русской шляхты, къ тому вемени уже достаточно ополяченной, было самое незначительное количество, — тѣсное соприкосновеніе учащихся съ широкими народными кругами обусловливалось самымъ порядкомъ содержанія школы, которая была создана главнымъ образомъ на частныя пожертвованія („фундаціи" русскаго, а нынѣ ополяченнаго рода Гулевичей, имѣющихъ еще сейчасъ потомковъ на Волыни, а потомъ Петра Могилы) и только отчасти поддерживалась монастырскими средствами. Съ теченіемъ времени крупныя пожертвованія начали истощаться – параллельно съ процессомъ исчезновенія русской шляхты и ополяченія городского мѣщанства. Тогда жизнь принудила учащихъ и учащихся перейти къ системѣ, нынѣ практикуемой русскими учебными заведеньями въ Польшѣ, т. е. къ сбору на Академію мелкихъ пожертвованій среди возможно болѣе широкаго круга жертвователей. Русскаго мѣщанства осталось уже мало, что не давало возможности вести дѣло такъ, какъ оно организовано нынѣ въ отношеніи содержанія гимназій въ Вильнѣ либо Ровно.

Пришлось перенести центръ дѣйствій изъ города въ деревню. Въ зимнее время сборъ средствъ пріурачивался къ Рождеству. Студенты разбивались на партіи „колядовать" со „звѣздой" въ наиболѣе зажиточныя „мѣстечки", либо богатыя деревни. Пріемъ приношеній производился деньгами и натурою. Отправлялись пѣшкомъ, но обратно возвращались на возахъ, нагроможденныхъ продуктами.

Но главная дѣятельность по сбору пожертвованій имѣла мѣсто въ теченіе лѣтнихъ каникулъ. При этомъ студенты не выступали съ „квитанціонными книжечками", обращаясь исключительно къ общественной совѣсти русскаго населенія, а пополняли академическую казну при помощи всевозможныхъ культурно-просвѣтительныхъ выступленій: ставили комедіи и трагедіи, произносили стихи и рѣчи, пѣли „канты", а послѣ этого обходили съ „шапкою" деревенскую аудиторію.

Во многихъ высшихъ, — преимущественно техническихъ учебныхъ заведеніяхъ – прохожденіе курса обусловливается нынѣ обязательною лѣтнею „практикой" для ознакомленья учащихся съ жизненнымъ примѣненіемъ той либо другой науки. Лѣтнія „вакаціи" кіевскихъ „бурсаковъ" были своего рода „практикой", на которой они знакомились и тѣсно соприкасались съ современнымъ имъ народнымъ бытомъ. Странствуя изъ деревни въ деревню, неся въ село начала, хотя и скромной, но все же культуры, студенты Кіевской Академіи не отрывались отъ народа, что сохраняло и сохранило послѣднюю отъ неизбѣжнаго при другихъ условіяхъ ополяченья, а изъ этихъ студентовъ дѣлало впослѣдствіи пастырей, твердо и бодро оборонявшихся отъ искушеній, которыя ставила передъ ними унія.

Еще въ Академіи эти студенты принимали дѣятельное участіе во всѣхъ общественно-политическихъ движеньяхъ своего времени. Въ теченіе первой половины 17-го вѣка городъ Кіевъ былъ ареной упорной борьбы между „оппортунистами", которые въ тѣ времена олицетворялись приверженцами „уніи" и радикально настроенными русскими націоналистами, являвшимися строгими послѣдователями православія. Шагъ за шагомъ послѣдніе обороняли от уніи каждую церковь — но на сторонѣ „уніатовъ" была тяжелая артиллерія польскаго административняго аппарата. Главными застрѣльщиками въ православныхъ „окопахъ", изрѣзывавшихъ вдоль и поперекъ этотъ религіозный „Верденъ", являлись „бурсаки" и студенты. Когда-же въ „окопахъ" становилось уже не въ терпежъ, когда православныхъ слишкомъ тѣснили уже приверженцы анти-національной церкви — учащаяся молодежь дѣлала "вылазки". Несмотря на предупредительныя мѣры учебнаго начальства, строго слѣдящаго по требованію польскихъ властей за своими воспитанниками, — въ одну прекрасную ночь общежитія и частныя квартиры, гдѣ жили студенты, пустѣли... За то въ рядахъ козаковъ появлялись новые бойцы, цѣнные не только своей физической силой, но и умственнымъ развитіемъ.

Не меньшее участіе принимали студенты Кіевской Академіи въ борьбѣ за сохраненіе русскаго характера кіевскаго магистрата, которому принадлежалъ цѣлый рядъ, какъ коммерческихъ, такъ и культурно-просвѣтительныхъ учрежденій, не говоря о колосальномъ недвижимомъ имуществѣ. Борьба эта продолжалась въ теченіи всей первой половины 17-го вѣка и рѣшалась не столько оружіемъ, сколько перомъ подвохами и процессами, которыми пользовались ополяченные приверженцы уніи, чтобы захватить въ свои руки, а потомъ использовать въ личныхъ цѣляхъ народное имущество. И вотъ, активными защитниками русскихъ интересовъ становяться и въ этой области кіевскіе студенты. Измѣнники народному дѣлу подвергаются съ ихъ стороны бойкоту. Вымазанныя двери, разбитыя окна, иногда и носы — являются вещественными доказательствами послѣдняго.

Въ моменты острой политической борьбы дѣло оканчивается серьезнѣе. Извѣстна печальная роль рода Ходыкъ въ постепенномъ ополяченьи кіевскаго магистрата. Бурмистру и „райцѣ" Ходыкѣ Кіевъ былъ обязанъ переходу въ унію кіевскихъ соборовъ. Происходя изъ бѣдныхъ мозырскихъ мѣщанъ Ходыкъ вошелъ въ довѣріе къ полякамъ и переселившись въ Кіевъ, — съ каждымъ годомъ увеличивалъ свое вліянье на городскія дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ пріумножалъ свое благосостояніе. Ставши во главѣ магистрата, Ходыкъ началъ продавать городскія недвижимости и нѣкоторыя изъ нихъ купилъ для себя лично. По поводу незаконныхъ выборовъ и дѣйствій Ходыка возникло нѣсколько десятковъ процессовъ, гдѣ не послѣднюю роль принадлежала въ качествѣ свидѣтелей студентамъ. На улицахъ города происходили многочисленныя стычки, причемъ одна изъ нихъ кончилась трагически: расходившаяся молодежь повлекла Ходыку къ Днѣпру и бросила его въ прорубь.

Естественно, что въ эти времена лозунги „аполитичности" не нашли бы себѣ сочуствія среди студентовъ. Послѣдніе чувствовали себя „ударнымъ баталіономъ русскаго народа", отъ котораго они не отходили въ сторону и съ которымъ находились въ непрерывной связи. Интересы богословской науки были заслонены въ сознаніи молодежи насущными потребностями русскаго населенія, самое существованіе котораго становилось на карту...

Это не значить, что студенты не учились, а только — либо „гастролировали" по провинціи, либо топили, какъ котятъ, — всевозможныхъ „Ходыкъ". Нѣтъ, они умѣли сочетать и то и другое. Еще въ 1631 г. Петръ Могила преобразовалъ братскую школу въ Академію. Въ 1701 г. кругъ наукъ, преподаваемыхъ въ ней, былъ значительно расширенъ. Она потеряла узко-богословскій характеръ и какъ бы сдѣлалась универсальной Академіей Наукъ. Помимо классическихъ языковъ студенты обучались языкамъ — нѣмецкому, французскому и еврейскому. Введены были курсы естественной исторіи, математики и географіи. Наконецъ — нѣкоторое время — преподавались: медицина, архитектура и „домашняя экономія" (первая попытка въ Европѣ нащупать начала политической экономіи). Въ 18-омъ вѣкѣ на 20 преподавателей насчитывалось въ Академіи до 500 студентовъ, что по тому времени было значительнымъ, хотя нынѣ не превышаетъ количества русскихъ студентовъ, обучающихся во Львовѣ и Вильнѣ.

Конечно, обстановка за двѣсти лѣтъ значительно измѣнилась. Однако, не настолько, чтобы студенчеству необходимо было перемѣнить оріентацію, принятую ихъ „предками" по Кіевской Академіи — въ сторону широкихъ круговъ мѣстнаго русскаго населенія.

И, потому, не время ли намъ повторить по адресу студенчества кличъ, прозвучавшій когда-то во Львовѣ:

— Назадъ къ народу!

Б. И. Лелявскій

Львовъ, 1927.

О НАШЕЙ ПСИХОЛОГІИ И ИДЕОЛОГІИ. *)

Студенческіе годы — это широкая многоцвѣтная грань, раздѣляющая нашу жизнь на двѣ фазы. Проходя черезъ нее, преломляются линіи нашихъ юношескихъ устремленій и взглядовъ и мѣняютъ прежнее направленіе, въ большей или меньшей мѣрѣ приближаясь къ той вертикали, которая неуклонно опредѣляетъ ходъ окружающей жизни.

Студенческіе годы — это тотъ періодъ, въ которомъ наиболѣе гармонически сочетаются жажда беззаботной жизни съ воспріятіемъ всѣхъ ея солнечныхъ радостей и въ то же время вдумчивое отношеніе къ дѣйствительности и напряженная работа надъ созданіемъ опредѣленной идеологіи.

Въ наши дни — дни сложныхъ историческихъ потрясеній, всколыхнувшихъ до дна со стихійной силой Россію, — интересно остановиться надъ основными чертами нашей психологіи и идеологіи, типичными для новаго времени. Сознательно суживая рамки, я не буду касаться всего русскаго студенчества, а ограничусь лишь той его частью — наиболѣе близкой и знакомой, — которая пребываетъ въ предѣлахъ Польши.

Война, революція, всѣ событія послѣднихъ лѣтъ и связанныя съ ними ненормальныя, порою исключительно тяжелыя условія жизни, воспитанія и обученія, — все это наложило свой рѣзкій отпечатокъ на психологію современнаго студента, создавъ особый типъ его духовнаго склада.

Какія же черты бросаются прежде всего въ глаза?

На первомъ планѣ стоитъ пробудившійся націонализмъ, живущій въ глубинѣ души, какъ священный огонь — неприкосновенный, непотухающій, но изолированный отъ стѣнъ души, какъ-то мало согрѣвающій и почти совсѣмъ не побуждающій къ энергіи и активной дѣятельности. Въ большинствѣ случаевъ было бы несправедливо усомниться въ искренности тѣхъ чувствъ, которыя побуждаютъ русскаго студента мечтать и говорить о скоромъ возвращеніи на Родину и о его работѣ тамъ... Но какимъ-то страннымъ диссонансомъ звучатъ эти слова на фонѣ нашей студенческой жизни какой-то безцвѣтной, сѣренькой, заурядной, лишенной пафоса и огня. Въ этомъ чувствѣ патріотизма не только контуры расплывчаты, но само ядро не сформировано. И кажется порою, глядя на нашу студенческую среду, что возникни сейчасъ — совсѣмъ независимо отъ насъ — какое-нибудь движеніе, несущее вѣрное освобожденіе Россіи и захватывающее на пути своемъ молодыя силы, — за нимъ пошли бы многіе, зараженные его движущей силой, и ни минуты не остановились бы передъ тѣмъ, чтобы сложить за Россію свои головы... Но сами проявить живую иниціативу, претворить полуотвлеченное чувство любви къ Родинѣ въ дѣйственное служеніе ей — упорное, повседневное, самоотверженное..., — работать для русскаго національнаго дѣла въ Польшѣ, нѣтъ, на это мы — по крайней мѣрѣ были до сихъ поръ — неспособны или слишкомъ мало способны. Рѣдко проявляется сознательное душевное или напряженное волевое устремленіе къ этому.

Мы, вообще, мало активны. Чувствуется какое-то безмолвное разочарованіе и утомленіе по-

*) Печатается въ дискуссіонномъ порядкѣ.

литикой, хочется стоять въ сторонѣ отъ нея. Кажется порою, что центръ тяжести не въ ней и не въ общественныхъ организацiяхъ, гдѣ постоянныя ссоры и дрязги мѣшаютъ плодотворной работѣ, — а въ чемъ-то другомъ. Но въ чемъ?... — На это нѣтъ отвѣта; существуютъ только смутныя предположенія и мысли, которыя возникаютъ иногда четко и ярко, но недодуманныя до конца, угасаютъ и возвращаются въ подсознанiе.

Жизнь свою мы заполняемъ, прежде всего, ученiемъ. Работать приходится много и напряженно, особенно, если съ ученiемъ связанъ еще заработокъ. А остальное время проходитъ въ большинствѣ случаевъ безалаберно... Рѣдко, очень рѣдко можно увидѣть насъ за чтенiемъ или серьезной бесѣдой; гораздо чаще — „въ своей компанiи" — за рюмкой водки и картами. Этимъ прикрывается какая-то пустота въ душѣ, а съ другой стороны удовлетворяется потребность молодости, жаждущей безотчетной радости, удовольствiй, даже разгула и озорства.

Типичнымъ для насъ и нашего времени является внутренняя замкнутость и неразговорчивость, — особенно, когда дѣло касается вопросовъ идеологическаго характера. Мы — сознательно или безсознательно — избѣгаемъ ихъ.

— Почему?

Прежде всего, потому — что нѣтъ силъ разобраться самимъ во всей сложности происходящихъ событiй, а прибѣгать къ чужой помощи не хочется, тѣмъ болѣе, что едва ли это сможетъ привести къ болѣе положительнымъ результатамъ. А развѣ можно строить какое-нибудь мiросозерцанiе, когда нѣтъ для него прочнаго и яснаго фундамента? Развѣ можно говорить объ опредѣленномъ отношенiи къ дѣйствительности, если она сама представляется смутно, когда трудно уловить подлинный смыслъ совершающагося?

Вотъ почему идеологiя остается недостроенной— вѣрнѣе, нѣтъ опредѣленнаго желанiя начинать ее строить, а хочется пойти по пути наименьшаго сопротивленiя и всю идеологiю свести къ наличiю одного полуотвлеченнаго, хотя и живого чувства любви къ Россiи, безъ всякой — болѣе или менѣе систематизированной — конкретной программы дѣятельности.

Параллельно съ этимъ бросается въ глаза удивительная односторонность нашего образованiя и замѣтное пониженiе общаго культурнаго уровня. Сдвигъ отъ безпочвеннаго идеализма въ сторону конкретнаго жизненнаго реализма и практицизма, ярко замѣтный среди студенчества, а также тяжелыя условiя жизни въ Польшѣ — особенно для русскаго меньшинства, — побуждаютъ уже во время студенческихъ лѣтъ много вниманiя удѣлять вопросу о будущемъ устройствѣ на службѣ и предстоящемъ благополучiи своей личной жизни. Замѣтно пропадаетъ интересъ къ отвлеченно - духовнымъ и культурнымъ вопросамъ; они перестаютъ казаться жизненными. Техническое образованiе, избранное большинствомъ, отнимаетъ очень много времени и культивируетъ умъ только въ своей спецiальной области, оставляя мало мѣста для другой — литературно-художественной, научной, религiозной и философской работы. Большую роль играетъ также отсутствiе русскаго университета, русскихъ научныхъ силъ, русскихъ театровъ, такъ скрашивавшихъ будничную жизнь студента въ былое время...

Но этой пассивностью, идеологической неоформленностью, духовной и культурной бѣдностью, односторонностью и безалаберностью не исчерпываются всѣ основныя черты русскаго студента. Они характеризуютъ только одну сторону его психологiи.

Параллельно съ этимъ выработались подъ влiянiемъ современной жизни иныя — положительныя, здоровыя черты, которыхъ не было раньше...

О пробужденномъ патрiотизмѣ — хотя и недостаточно дѣятельномъ, но искреннемъ и горячемъ— была рѣчь уже выше.

Остается указать еще на внутреннее преодолѣнiе увлеченiй отвлеченными идеалистическими системами, непримѣнимыми въ жизни. Современное студенчество очень реально, очень жизненно и лишено всякой склонности къ утопизму.

Прибавимъ къ этому еще большую закаленность и жизненную приспособленность вслѣдствiе всѣхъ пережитыхъ тяжелыхъ условiй и потрясенiй, значительную трудоспособность, принципiальное отвращенiе къ бездѣйственной болтливости, умѣнье въ случаѣ необходимости бороться съ жизненными препятствiями и добиваться — болѣе или менѣе удачно — намѣченной цѣли, — главнымъ образомъ, въ области полученiя высшаго образованiя.

Почти изжита также болѣзненная интеллигентская рефлексiя, типичная для прежняго времени, которая приводила не къ дѣйствiю, не къ энергичной активности, а къ безполезному, разлагающему копанiю въ собственной душѣ, связанному съ расщепленiемъ духовной цѣльности и нарушенiемъ внутренняго равновѣсiя. Въ критицизмѣ (довольно сильно развитомъ) современнаго студента заключено больше здоровыхъ элементовъ.

Есть, наконецъ, любовь къ жизни,—и въ этомъ залогъ молодой силы...

Таковъ, по моему, обликъ *средняго русскаго студента* въ Польшѣ. Силы есть, но ихъ мало, неизмѣримо мало по сравненiю съ тѣми большими задачами, которыя съ неотвратимой силой и исторической неизбѣжностью встаютъ передъ нами.

Мы живемъ на рубежѣ Руси и Западной Европы, и тѣмъ осложняется наша нацiональная работа. Если передъ патрiотическими взорами русскихъ студентовъ-эмигрантовъ въ Чехiи, Францiи, Германiи, Англiи... стоитъ только Россiя и необходимость подготовки для будущей дѣятельности въ ней, — *то передъ нами — русскими студентами въ Польшѣ — раскрывается двойная перспектива: нацiональная работа для усиленiя русскаго меньшинства въ предѣлахъ Польши — съ одной стороны, причемъ на нее должно быть обращено центральное вниманiе „мѣстнаго" русскаго студенчества*; съ другой стороны, передъ нами напряженное подготовительное служенiе для будущей Россiи.

Въ статьѣ кол. К.: „Ближайшiя задачи „мѣстнаго" русскаго студенчества", помѣщенной въ № 2 нашего журнала, были живо и ярко очерчены тѣ основныя задачи, къ осуществленiю которыхъ „мѣстное" русское студенчество должно приступить „съ максимальной быстротой и энергiей", чтобы выполнить огромный историческiй долгъ, легшiй на его плечи,—долгъ „сохраненiя подъ знаменемъ русской культуры земель, лежащихъ на непосредственномъ стыкѣ Россiи съ Западной Европой".

Прибавлю къ этой статьѣ еще одинъ дополнительный моментъ.

Мы не имѣемъ моральнаго права равнодушно относиться къ вопросу о русской средней школѣ въ Польшѣ. Тѣ изъ насъ, которые чувствуютъ при-

званіе къ педагогической дѣятельности, обязаны готовиться къ идейной работѣ въ русской гимназіи. Вѣдь, достаточно даже трехъ, четырехъ учителей въ одномъ учебномъ заведеніи, обладающихъ серьезными, глубокими познаніями въ области своихъ спеціальностей и дидактическими дарованіями, одушевленныхъ одной общей національной идеей, воплощаемой въ жизнь, чтобы поднять русскую гимназію — напримѣръ, въ какомъ-нибудь городѣ на Волыни — на такую высоту, при которой она неизбѣжно должна будетъ при возбужденіи соотвѣтственныхъ энергичныхъ ходатайствъ получить права правительственныхъ школъ, — а этимъ кореннымъ образомъ облегчится положеніе той молодежи, которая по окончаніи средняго учебнаго заведенія хочетъ продолжать свое образованіе въ высшей школѣ. Да, наконецъ, идейный составъ педагогическаго персонала не можетъ не оказать вліянія на формацію юношеской души, на развитіе въ молодежи здороваго національнаго чувства, любви къ работѣ и сознанія предстоящей отвѣтственности за общерусское дѣло въ Польшѣ.

Наша мѣстная русская работа очень трудна и сложна, но она имѣетъ то преимущество, что болѣе или менѣе ясна ея программа.

Когда же мы подумаемъ о выполненіи нашего національнаго долга по отношенію къ Россіи, передъ нами встаютъ неизмѣримо большія трудности, возникаютъ сложные, неясные моменты.

Что дѣлать? Въ какомъ направленіи работать надъ собой? Къ чему готовиться?

Прежде всего, намъ надо прислушаться къ голосамъ, доносящимся оттуда, — съ Родной Земли... Одинъ такой отголосокъ попалъ случайно къ намъ... Я говорю о статьѣ Яно: „Чего мы хотимъ...“— въ № 2 „На Рубежѣ“ Совѣтская молодежь ждетъ отъ насъ въ первую очередь — согласно его заявленію — „контръ-политграмоты“, которая бы ясно и четко сформулировала основныя истины христіанско-фашистскаго міросозерцанія и въ совершенствѣ била бы политграмоту большевиковъ“.

Но прежде, чѣмъ выступать противъ какого-нибудь ученія, надо сначала его изучить, въ данномъ случаѣ надо познакомиться съ марксистскимъ міросозерцаніемъ, съ методами антирелигіозной пропаганды въ Совѣтской Россіи — и только тогда можно думать о противопоставленіи этому ученію чего-то новаго, прочнаго, побѣждающаго...

А знакомы ли мы съ этимъ — хотя бы отдаленно, поверхностно? — Въ большинствѣ случаевъ — мало. Очень цѣнной въ этомъ направленіи оказалась лекція пріѣхавшаго изъ Парижа извѣстнаго русскаго философа Н. А. Бердяева — на тему: „Христіанство и марксизмъ“.

Итакъ, первый шагъ — это ознакомленіе съ русской исторіей, — особенно, съ конца прошлаго вѣка, болѣе глубокое проникновеніе въ сущность и генезисъ разыгравшихся событій послѣдняго десятилѣтія, знакомство съ русской литературой — до революціи и послѣ нея, а также съ достиженіями русской религіозно-философской мысли — особенно за послѣдніе годы за-границей — въ которыхъ можно искать отвѣтовъ на вопросы, касающіеся христіанскаго міросозерцанія. Это — работа грандіозная, требующая большой вдумчивости, стойкости, способности къ критицизму, напряженія мысли, чувства и воли, даже нѣкотораго аскетическаго самоотверженія, — работа, почти неосуществимая для одного человѣка, но возможная для извѣстной группы, объединенной и движимой одной общей идеей.

Интересно отмѣтить, что въ этомъ году организуется въ Парижѣ „Кружокъ изученія Россіи“, ставящій своей цѣлью объективное углубленное изслѣдованіе прошлаго и настоящаго нашей Родины, „изученіе коммунизма и тѣхъ религіозно-общественныхъ возможностей, передъ которыми стоитъ Россія“. *)

Правда, не каждый хочетъ и можетъ предпринимать работу такого порядка.

Большинство мечтающихъ о возвращеніи на Родину стремится получить высшее образованіе въ области своей спеціальности, имѣющей практическое примѣненіе, а потомъ — черезъ нѣсколько лѣтъ — поѣхать въ Россію.

„Мы всѣми мыслями стремимся на родную почву, — пишетъ кол. Р. Левицкій*) — часто мечтаемъ, а еще чаще и больше говоримъ о томъ, какъ свои молодыя силы, свою энергію мы приложимъ тамъ, на далекой и безконечно дорогой Родинѣ, когда она снова станетъ свободной, и когда мы, получившіе образованіе въ высшихъ школахъ Западной Европы, будемъ являться желанной и полезной силой“...

Но кол. Левицкій правильно отмѣчаетъ, что мы совсѣмъ отрѣзаны отъ нашихъ собратьевъ въ Россіи, ничего не знаемъ о жизни на нашей Родинѣ.

Для заполненія этого существеннаго пробѣла мы всемѣрно должны стремиться познакомиться возможно подробнѣе съ условіями предстоящей работы, съ научными и техническими достиженіями въ С.С.С.Р., съ взглядами и психологіей тѣхъ людей, которые будутъ нашими сотрудниками.

Нельзя не отмѣтить, наконецъ, и того, что мы въ подавляющемъ большинствѣ совершенно не оріентируемся въ томъ церковномъ кризисѣ, который съ такой острой болѣзненностью и потрясающимъ трагизмомъ происходитъ на нашей Родинѣ.

Развѣ многіе изъ насъ даютъ себѣ отчетъ въ томъ, что привело въ Россіи къ церковному расколу, въ чемъ заключается существенное различіе между Церковью „Тихоновской“ и „Обновленческой“, къ чему сводятся основные нападки на Христіанство и, въ частности, Православіе со стороны идейныхъ борцовъ и представителей антирелигіозной пропаганды, въ чемъ заключается сущность послѣдняго посланія митрополита Сергія Нижегородскаго, отъ котораго зависятъ дальнѣйшія судьбы Церкви въ Россіи, отвѣтъ на него митрополита Евлогія въ Парижѣ, и т. д. и т. д.

Почти все это для насъ чуждо, незнакомо и даже... — что всего болѣе грустно... — мало интересно. Остановимся надъ этимъ и поймемъ, что мы не имѣемъ права и впредь оставаться такими равнодушными ко всему совершающемуся въ Россіи и въ Польшѣ! Взяться за дѣло никогда не поздно. А работы такъ много и она такъ разнообразна, что каждый можетъ выбрать тотъ путь, который является для него наиболѣе соотвѣтствующимъ.

Въ этомъ же номерѣ нашего журнала помѣщена удивительно интересная статья проф. А. А. Кизеветтера: „Пушкинъ, Достоевскій, Л. Толстой и русская душа“, въ которой онъ упоминаетъ, что Бисмаркъ, поживъ въ Россіи, говаривалъ: „Въ Россіи всегда очень медленно запрягаютъ и очень быстро возятъ“.

---

*) „Вѣстникъ Русскаго Христ. Студенч. Движенія“, № 9, 1927 г., статья Е. Скобцовой: „Изученіе Россіи“.

**) Статья: „Мысли“ въ н-рѣ 3 „На Рубежѣ“

Мнѣ кажется, что въ данномъ случаѣ мы — русскіе студенты—слишкомъ ужъ долго запрягаемъ; окончательный предѣлъ подошелъ и давно ужъ пора начать возить.

Будемъ помнить, что мы молоды, полны силъ, намъ дано больше, а потому и спросятъ съ насъ больше и обязаны мы дѣлать больше...

Е. П.

Львовъ, 21 ноября 1927 г.

КЪ ДѢЛУ!...

Много и долго говорилось и говорится у насъ о необходимости національной работы здѣсь в Польшѣ, совмѣстно съ русскимъ обществомъ, о болѣе тѣсномъ сближеніи съ нимъ. Вопросъ этотъ ужъ не разъ подымался и освѣщался съ различныхъ сторонъ на страницахъ нашего журнала, и каждый изъ насъ сознаетъ, что это необходимо, что это наша обязанность, нашъ долгъ — святой и великій. А вмѣстѣ съ тѣмъ, кто изъ насъ не сознается въ томъ, что въ этомъ отношеніи у насъ сдѣлано очень и очень мало, чтобы не сказать — ничего? Мы, русскіе студенты — будущіе преемники русскаго общества въ Польшѣ и продолжатели труднаго дѣла защиты національныхъ интересовъ русскаго меньшинства, — не только мало интересуемся жизнью этого общества, а что еще хуже, не проявляемъ никакой тенденціи измѣнить настоящее, совершенно ненормальное положеніе вещей.

Мы какъ-то безотчетно, отъ того ли, что намъ пришлось столько пережить и испытать во время большевизма, или, быть-можетъ, по какимъ либо инымъ причинамъ, совершенно отошли отъ болѣе широкой общественной и политической жизни и, можно сказать, почти совсѣмъ ею не интересуемся. Но, вѣдь, отъ того, насколько мы будемъ умѣть бороться, зависитъ наше положеніе среди другихъ меньшинствъ. А надо съ горечью сознаться, что вести политическую борьбу мы совершенно не умѣемъ. И въ этомъ нашъ громадный минусъ!... Всего этого, конечно, нельзя сказать о нашихъ братьяхъ — русскихъ студентахъ, уроженцахъ Галиціи, которые, наученные вѣковымъ опытомъ, ушли впередъ насъ — уроженцевъ и жителей Волыни, Полѣсья и Виленщины, но всетаки и въ ихъ средѣ замѣчается нѣкоторое зловѣщее равнодушіе къ общественной жизни.

Послѣ организаціи Русскаго Народнаго Объединенія и февральскаго съѣзда общественная и политическая жизнь русскаго меньшинства, можно сказать, оживилась довольно сильно. Многаго, правда, еще остается пожелать, чтобы эта жизнь стала полной, вошла въ свое русло, которое ей принадлежитъ по праву, но все-таки фактъ остается фактомъ — русскіе люди проснулись отъ долголѣтней спячки и разбудили дремавшее въ нихъ національное самосознаніе. И вотъ, какъ ни больно въ этомъ сознаться, какъ это ни противорѣчитъ здравому смыслу, мы почти нигдѣ, гдѣ только говорится о русской общественной жизни, не встрѣтимъ даже упоминанья о какой-либо дѣятельности студенчества.

Прошли выборы въ мѣстныя самоуправленія, русскіе люди волновались, говорили голосовали, выставляли и проводили своихъ кандидатовъ, и какъ на зло, нигдѣ не говорится о насъ — русскихъ студентахъ.

Будто насъ и нѣтъ на свѣтѣ, или будто мы ровно ничего не значимъ!...

А, вѣдь, насъ есть довольно много, вѣдь мы молодые, сильные, полные энергіи—должны стоять на первомъ мѣстѣ въ этой политической борьбѣ!

Посмотрите на студентовъ другихъ національностей, хотя бы украинцевъ и евреевъ, — всюду, гдѣ только ведется какая либо борьба въ защиту даннаго меньшинства, вы увидите на первомъ мѣстѣ студентовъ, которые являются боевыми кадрами, руководимыми болѣе опытными вожаками изъ данной партіи или національнаго объединенія. Да зачѣмъ намъ ходить далеко за примѣрами и брать ихъ у другихъ народностей, если у насъ есть такіе примѣры, какъ наши русскіе студенты до революціи, всю свою жизнь посвящавшіе на борьбу за лучшій бытъ, за правду и идеалъ.

Пора намъ, наконецъ, понять, что такое полное индиферентное отношеніе къ политикѣ есть гибель для насъ, для всего русскаго общества. Въ странѣ демократическаго государственнаго строя только тотъ выигрываетъ и получаетъ всѣ права, кто умѣетъ за нихъ бороться. И именно въ этой борьбѣ за свои права, за свое культурно-національное самосуществованіе и развитіе, мы — студенты —должны стоять впереди, неся высоко знамя нашего самосознанія и организованности.

Но у насъ этого всего нѣтъ!...

А вѣдь и мы имѣемъ русскія студенческія политическія организаціи, вѣдь существуютъ же студенческія секціи при Р. Н. О.!? Чѣмъ же объяснить это отрицательное отношеніе къ политической жизни русскаго меньшинства?

Неужели нежеланіемъ, или просто лѣнью?!...

Ибо недостаткомъ времени или плохими матеріальными условіями жизни никто не посмѣетъ отговориться, такъ какъ вѣдь находили же время прежде русскіе студенты, учась, заниматься политической дѣятельностью и находятъ же его теперь студенты другой національности, а трудное матеріальное положеніе не такъ ужъ и помѣшаетъ, если бы мы только захотѣли работать.

А другихъ отговорокъ мы не найдемъ!...

Вотъ сейчасъ приближаются выборы въ сеймъ. Предвыборная компанія уже началась... Различныя политическія группировки уже начали усиленную агитацію... Р. Н. О. тоже приступило къ организаціи этой предвыборной борьбы... И мы русскіе студенты должны сейчасъ приложить всю свою энергію къ тому, чтобы совмѣстно съ русскимъ обществомъ смѣло и дружно взяться за дѣло выборовъ!

Вѣдь отъ того, съ какимъ успѣхомъ для насъ пройдутъ выборы въ новый сеймъ, зависитъ — можно сказать — судьба всего русскаго меньшинства въ Польшѣ, а слѣдовательно наша судьба и вся наша будущая жизнь, отъ которой мы такъ многаго ждемъ. Поэтому мы и не имѣемъ моральнаго права индеферентно относиться къ дѣлу выборовъ. Мы должны напречь всѣ свои силы, всю свою энергію на то, чтобы эти выборы прошли для насъ русскихъ, какъ можно болѣе удачно.

Во время наступающихъ рождественскихъ каникулъ мы должны развить сильную агитацію, подготовляя тѣмъ дѣло объединенія русскихъ людей для защиты своихъ національныхъ интересовъ. Каждый изъ насъ, кто называетъ себя русскимъ, долженъ показать на дѣлѣ, что онъ умѣетъ бороться за свое національное существованіе, за свои святѣйшія права гражданина, и никто не имѣетъ никакого права стоять въ сторонѣ отъ этой работы.

Главное же свое вниманіе мы должны обратить на нашу деревню, ибо это есть тотъ фундаментъ, на которомъ зиждется всякая политическая группировка, всякій національный блокъ. У насъ почему-то, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ газетъ, сложилось мнѣніе, что наша деревня на Волыни и Полѣсьи настолько украинизирована, что теперь она не пойдетъ за нами. Но это не совсѣмъ вѣрно!

Я самъ житель деревни, знаю психологію и настроеніе волынскаго крестьянина и скажу, что въ большинствѣ онъ вовсе не такъ враждебно относится ко всему русскому, какъ объ этомъ говорятъ, — нужна только извѣстная работа въ этомъ направленіи, извѣстная подготовка и дѣятельность.

И вотъ этимъ то должны заняться мы — русскіе студенты, живущіе въ деревняхъ Волыни!

На дняхъ, какъ намъ извѣстно, должна выйти въ свѣтъ русская газета, которая будетъ издаваться въ одномъ изъ городовъ Волыни и которая будетъ предназначена исключительно для русской деревни. Мы должны всѣми силами стараться распространять эту газету. Всякій, кто только имѣетъ хоть какую-нибудь связь съ деревней, обязанъ заняться дѣломъ просвѣщенія русскихъ крестьянъ, разъясняя имъ правду ихъ происхожденія, которую такъ исказили „самостійники-украинцы". Одновременно мы должны вести усиленную агитацію въ дѣлѣ открытія русскихъ читаленъ по селамъ, должны собирать вѣча, разъясняя простому люду, къ чему ведутъ ихъ большевитскіе агенты „сельробы" и т. п. — И только, если мы теперь энергично возмемся за дѣло, мы можемъ надѣяться на успѣхъ во время выборовъ! Еще не поздно, еще время не ушло, но только нужно взяться за работу живо и съ максимальной энергіей! Нужно помнить, что нашъ врагъ тоже не дремлетъ и, что если мы будемъ медлить, побѣдятъ украинцы и намъ тогда нечего будетъ надѣяться на поддержку народныхъ масъ въ будущемъ.

27. XI. во Львовѣ Р. Н. О. открыло курсъ подготовки дѣятелей на предстоящую предвыборную компанію, гдѣ читаются лекции и ведутся диспуты, на которыхъ слушатели учатся пріемамъ и методамъ политической борьбы. Нужно только привѣтствовать такой шагъ Р. Н. О. и пожелать, чтобы и другіе отдѣлы Р. Н. О., слѣдуя этому хорошему примѣру, организовали такіе же курсы для русской молодежи у себя на мѣстахъ.

Итакъ, коллеги, къ работѣ!!!

Пусть каждый изъ насъ приложитъ всѣ свои молодыя силы, всю свою энергію — гдѣ бы то ни было — въ городѣ или въ деревнѣ, на это наше русское національное дѣло!

Пусть никто не останется теперь безъ роботы! Пора наконецъ проснуться, пора взяться за святое, разумное дѣло — отстаиванія нашихъ законныхъ правъ, за осуществленіе нашей общей русской задачи!...

Вѣчный позоръ тѣмъ, кто станетъ теперь въ сторонѣ!...

Эти выборы въ сеймъ будутъ для насъ строгимъ экзаменомъ на нашу политическую и національную зрѣлость, и мы должны его сдать!...

И сдадимъ!!!

Р. Левицкій.

Львовъ, ноябрь 1927 г.

ИЗЪ ГЛУБИНЫ ДУШИ НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ...

„Смѣло мы въ бой пойдемъ за Русь Святую и, какъ одинъ, прольемъ кровь молодую" пѣли мы недавно и исполняли то, что пѣли. Что же дѣлать теперь, когда нѣтъ боя? Какъ и чѣмъ проявить и доказать свою любовь къ „Святой Руси"? Воспоминаньями и разговорами о Ея славномъ прошломъ? Это, быть можетъ, и нужно намъ, но для Руси то не нужно совершенно: Она знаетъ о немъ лучше насъ. Нѣтъ, не для того видали мы Ее стонущей и истекающей кровью, чтобы жить воспоминаньями; ими простительно доживать, но жить ими, будучи полными силъ, нельзя. Мы хорошо сознаемъ это, намъ всегда не хватаетъ чего-то, иногда до слезъ дѣлается тяжело. Откуда берутся эти чувства? Не являются ли они доказательствомъ того, что пылающая Русь зажгла въ нашихъ душахъ священный огонь любви къ Ней и что пока горитъ онъ, мы не можемъ и не имѣемъ права быть спокойными? Постараемся же раздуть это пламя, объявимъ войну окружающей пассивности и равнодушію, выработаемъ свою идеологію и постараемся провести ее въ жизнь; если же это не удастся, то передадимъ ее идущимъ за нами. .

Не будемъ вѣрить тому, что одинъ въ полѣ не воинъ, а признаемъ наоборотъ, что онъ хорошій воинъ, разъ не побоялся одинъ выйти въ поле. Безъ страха, не оглядываясь — идетъ ли кто за нами, поспѣшимъ туда, куда зоветъ насъ наша любовь къ Россіи.

Каково наше будущее, какими путями и куда мы придемъ, мы, конечно, не знаемъ, знаемъ только одно, что спасеніе наше состоитъ не въ перелистываніи страницъ славнаго прошлаго (кстати: нашихъ заслугъ тамъ нѣтъ!), не въ мелкихъ ссорахъ и разстратахъ духовнаго наслѣдства, а въ напряженной работѣ.

Для того же, чтобы эта работа дала благіе результаты (что не всегда бываетъ!) и исканія путей спасенія увѣнчались успѣхомъ, слѣдуетъ прислушаться къ голосу нашихъ великихъ духовныхъ мыслителей, видѣвшихъ и видящихъ спасеніе Россіи и всего міра въ раскрытіи и исполненіи завѣтовъ Христа Спасителя.

Если мы, прислушиваясь къ ихъ голосу и упорно работая, будемъ руководиться вѣчной Правдой, мы докажемъ не только свою любовь къ „Святой Руси", но и къ Тому, Кто выше всего, честно пройдемъ свой жизненный путь и оставимъ грядущимъ поколѣніямъ богатѣйшее реальное наслѣдство.

Дмитрій II.

Львовъ, 29. XI. 1927.

КЪ ЮБИЛЕЮ МИТРОПОЛИТА АНТОНІЯ.

Недавно, какъ уже было отмѣчено въ печати, исполнилось тридцать лѣтъ служенія Митрополита Антонія (Храповицкаго) въ епископскомъ санѣ. Почти половину этого времени — 12 лѣтъ — онъ занималъ архіерейскую кафедру въ предѣлахъ нынѣшней Польши, какъ архіепископъ Волынскій и Житомирскій, а потому такъ естественно вспомнить на страницахъ нашего журнала Высокопреосвященнаго Юбиляра.

Владыка Антоній — одинъ изъ выдающихся архипастырей Православной Русской Церкви и то, что называется, большой человѣкъ — какъ по многогранности своихъ природныхъ дарованій, такъ и по своему обширному образованію и начитанности. Вся его жизнь прошла на отвѣтственныхъ постахъ — сперва профессора Петербургской, потомъ ректора Московской и Казанской Духовныхъ Академій, — позже Епархіальнаго Преосвященнаго Уфимскаго, Волынскаго, Харьковскаго и, наконецъ, Митрополита Кіевскаго.

Не намъ, молодежи, оцѣнивать разностороннюю дѣятельность Вышепреосвященнаго Владыки, — его имя принадлежитъ исторіи, и она въ свое время скажетъ о немъ нужное слово. Мы можемъ только напомнить, что у насъ на Волыни Владыка Антоній оставилъ по себѣ память, какъ строгій ревнитель церковной жизни и духовнаго просвѣщенія. Съ его именемъ связано на Волыни учрежденіе новыхъ епископскихъ кафедръ, созданіе собора во имя св. Троицы въ Почаевской Лаврѣ и основаніе пастырской школы.

Подробнѣе намъ хотѣлось бы остановиться на одной чертѣ въ характерѣ Владыки Антонія, столь непререкаемой и ничѣмъ — ни временемъ, ни событіями — не заслоняемой. Мы имѣемъ въ виду его исключительную любовь къ молодежи Она красной нитью проходитъ чрезъ всю его жизнь и дѣятельность.

Владыка Антоній — гимназистъ по среднему образованію — чуть ли не въ 20 лѣтъ окончилъ Духовную Академію. Поставленный совсѣмъ молодымъ на высокій административный постъ ректора Академіи, Владыка митрополитъ и въ Сергіевомъ посадѣ, и въ Казани умѣлъ сразу установить такія отношенія со студентами — почти своими сверстниками, — что для нихъ онъ былъ столько же ихъ начальникомъ и руководителемъ, сколько и другомъ.

Двери квартиры Преосвященнаго Ректора были всегда открыты для студентовъ, и каждый изъ нихъ могъ въ любое время притти къ нему, зная напередъ, что его тревога и сомнѣнія будутъ услышаны и разсѣяны.

Уфимцы, Волынцы, Харьковцы и Кіевляне всегда отмѣчали его рѣдкую отзывчивость и готовность пойти на встрѣчу студенческимъ нуждамъ и запросамъ. Эта черта тѣмъ болѣе цѣнная, что она не всегда отличала въ прошломъ нашихъ архипастырей. Быть можетъ и очень добрые — они нерѣдко ограждали себя каменной стѣной отъ молодежи и, въ частности, отъ духовной — отъ своихъ подлинныхъ духовныхъ дѣтей. Очень часто семинаристъ оканчивалъ курсъ средней школы и видѣлъ своего Отца Архипастыря или за торжественнымъ богослуженіемъ по случаю семинарскаго престольнаго праздника, или въ качествѣ почетнаго, а иногда грознаго гостя на экзаменахъ, да и то главнымъ образомъ выпускныхъ.

Высокопреосвященный Митрополитъ
Антоній.

Не въ томъ ли, между прочимъ, одна изъ причинъ, что духовная молодежь въ прошломъ уходила, если не отъ церкви, то отъ отцовскаго пути служенія ей въ санѣ, — что наши архипастыри мало ревновали о томъ, чтобы удержать около себя юныя семинарскія души.

Этого грѣха не несетъ на себѣ Владыка Антоній. Общедоступность и безграничное гостепріимство преосвященнаго Антонія были извѣстны духовной молодежи всей Россіи. И, конечно, у нея не было среди преосвященныхъ имени болѣе популярнаго и дорогого, чѣмъ имя Владыки Антонія.

Помню разсказъ одного изъ студентовъ Духовной Академіи о томъ, какъ четыре В–ца, державшіе съ нимъ пріемные экзамены, оказались принятыми на собственный счетъ. Средствъ у нихъ не было и имъ оставалось вернуться домой. Недолго думая, они побезпокоили телеграммой Владыку Антонія, и черезъ нѣсколько часовъ ректоромъ Академіи былъ полученъ отвѣтъ съ просьбой зачислить студентовъ на счетъ Преосвященнаго.

И развѣ это исключеніе? Сколько молодежи обязано своимъ образованіемъ помощи Владыки Антонія — подлиннаго безсребренника, часто должавшаго своему келейнику, чтобы только помочь студенту.

И характерно — какъ строго Владыка ни держался того мнѣнія, что путь семинариста — или Духовная Академія или священство — онъ очень нерѣдко помогалъ и тѣмъ изъ семинаристовъ, которые учились въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Эту любовь къ молодежи Владыка Антоній пронесъ и чрезъ года нашихъ испытаній. Его сердце и здѣсь, въ эмиграціи, не остыло отъ любви къ юношеству.

В.

Октябрь, 1927.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ.

ИЗЪ ЖИЗНИ РУССКАГО СТУДЕНЧЕСТВА ВЪ ВИЛЬНѢ

Въ Вильнѣ, какъ въ одномъ изъ польскихъ университетскихъ городовъ, являющимся въ то-же время однимъ изъ крупнѣйшихъ городовъ Вост. Окраин. Польши, оказались хотя и не въ весьма значительномъ количествѣ студенты — русскіе по національности, какъ эмигранты, такъ и мѣстные уроженцы.

Однако оффиціальное дѣленіе представителей одного и того-же народа на двѣ различныя юридическія категоріи не вызываетъ къ счастью въ здѣшней студенческой средѣ никакихъ разногласій на почвѣ этаго политическаго дѣленія, какъ равно и расхожденій во взглядахъ на задачи русскаго зарубежнаго студенчества. Организовавшійся въ 1925 г. Кружокъ Русскихъ Студентовъ У. С. Б., насчитывающій въ настоящее время болѣе 80 членовъ, состоитъ изъ представителей какъ одной, такъ и другой категоріи русскихъ.

Для полноты картины русскаго студенчества въ Вильнѣ слѣдуетъ добавить, что существующій Кружокъ Русскихъ Студентовъ У. С. Б. охватываетъ далеко не всѣхъ студентовъ русской національности У. С. Б. Многіе изъ нихъ совершенно скрываютъ свой національный обликъ подъ личиной „Polaków wyzn. prawosławn." или иной какой-либо, а нѣкотрые хотя и считаютъ себя въ душѣ русскими, но открыто заявить о своей принадлежности къ русской національности не смѣютъ либо не желаютъ.

Наряду съ другими цѣлями Кружка, какъ самопомошь, защита національныхъ и религіозныхъ интересовъ его членовъ, цѣлью Кружка является веденіе культурно-просвѣтительной работы.

Задача настоящей замѣтки заключается въ краткомъ изложеніи характера культурно-просвѣтительной работы, ведущейся Кружкомъ, ея цѣлей и задачъ, а равно и конкретнаго ихъ осуществленія.

Веденіе культурно-просвѣтительной работы въ національномъ духѣ признавалось съ момента основанія Кружка одной изъ главныхъ его задачъ, какъ русской студенческой организаціи.

До февраля м-ца т. г. велась она безъ опредѣленнаго плана и выражалась въ устройствѣ публичныхъ докладовъ, носящихъ случайный характеръ. Въ февралѣ м-цѣ 27 г. приступила къ веденію культурно-просвѣтительной работы особая автономная К.-Пр. Комиссія, поставившая своей основной задачей — „національзмъ, опирающійся на глубокихъ духовыхъ основахъ", а методомъ веденія работы — „использованіе идеальныхъ силъ человѣческой души". Основная цѣль Комиссіи въ области общечеловѣческой и ея главная практическая задача выражены въ слѣдующей фразѣ, взятой изъ плана дѣятельности К. Пр. Комиссіи: „Находя, что выходъ изъ того глубокаго упадочнаго состоянія, въ которомъ за послѣдніе годы оказалась Россія и русскій народъ, и благополучное разрѣшеніе всѣхъ найболѣе больныхъ и тяжелыхъ вопросовъ нашей современности возможны лишь при созданіи въ обществѣ глубокихъ и прочныхъ духовныхъ основъ, К.-Пр. Комиссія главной своей задачей въ этой области должна считать распространеніе яснаго и разумнаго идеализма". Въ области національной Комиссія поставила своей задачей утвержденіе здороваго и сознательнаго національзма, опирающагося на глубокихъ духовныхъ основахъ и потому слѣдовательно „сохраненіе національныхъ признаковъ, единственно обезпечивающихъ пріятіе жизни во всемъ ея всемірномъ и всечеловѣческомъ масштабѣ".

Какъ реальное осуществленіе этаго плана дѣятельности, въ прошломъ академическомъ году намѣчался циклъ лекцій о Россіи, ставящихъ своей задачей выясненіе и опредѣленіе причинъ современнаго упадочнаго состоянія Русскаго національнаго сознанія и Россіи въ широкомъ смыслѣ слова, а также опредѣленіе нашихъ задачъ и нашаго будущаго участія, какъ молодого поколѣнія, въ возсозданіи новой Россіи.

Планъ этотъ по причинамъ чисто внѣшнимъ, изъ-за отсутствія необходимыхъ научныхъ и литературныхъ силъ, не могъ быть выполненъ во всей его полнотѣ и въ томъ видѣ, въ которомъ онъ намѣчался Комиссіей, а лишь частично, потому и результаты его были сравнительно незначительны.

Въ этомъ же проэктѣ дѣятельности Комиссія признала, что необходимымъ условіемъ веденія совмѣстной работы, долженствующей носить тотъ идейный характеръ, который ей стремилась придать Комиссія, является наличіе внутри самого Кружка идейнаго единства и духовнаго братства. Въ планѣ дѣятельности К.-Пр. Комиссіи выражено это въ слѣдующихъ словахъ: „Признавая единственной, вполнѣ отвѣчающей своему назначенію и имѣющей полное нравственное право на осуществленіе общественной формой духовное братство, К.-Пр. Комиссія должна считать себя призванной осуществить послѣднее въ Кружкѣ и создать тѣ идейныя нормы, которыя помимо общаго всѣмъ національнаго происхожденія подтвердили-бы наше правственное право на объединеніе".

Комиссія истратила въ прошломъ акад. году много энергіи, употребила массу усилій съ примѣненіемъ всѣхъ возможныхъ физическихъ и нравственныхъ средствъ, съ цѣлью осуществленія задачъ, поставленныхъ ею въ проэктѣ дѣятельности.

Для точнаго уясненія себѣ тѣхъ отрицательныхъ, а иногда враждебныхъ условій, въ которыхъ приходится работать Комиссіи, я вынужденъ сказать нѣсколько словъ о состояніи современнаго общества, въ частности русскаго въ Вильнѣ и той его части—студенчества, которое является ближайшимъ объектомъ воздѣйствія К.-Пр. Комиссіи.

Въ наше время, время господства явнаго, грубаго матеріализма какъ въ нашей порабощенной Родинѣ, такъ и здѣсь за рубежомъ, — всеобщій упадокъ коснулся и студенческой среды. Большинство современной молодежи увлекается американизмомъ въ его иногда отрицательныхъ проявленіяхъ, погоней за чувственными удовольствіями, ограничивая свою жизнь до круга узкихъ „эгоистическихъ стремленій и потребностей". Больше чѣмъ когда-либо ощущается отсутсвіе въ ея средѣ всякаго полета ввысь и стремленій къ высшимъ идеаламъ правды, добра и справедливости, въ чемъ теперешній студентъ „въ крахмальномъ воротничкѣ" рѣзко разнится отъ прежняго, хотя под-

часъ и лохматаго русскаго студента въ косоворткѣ. Дореволюціонное русское студенчество, увлекавшееся соціализмомъ, начиная отъ шестидесятниковъ, все горѣло страстнымъ желаніемъ послужить родному народу. И у нихъ была своя высокая цѣль и широкій смыслъ жизни. Правильны-ли были революціонные пути, которыми оно пошло, заблуждалось-ли оно, пусть судитъ исторія, но не это здѣсь важно, и не это я хочу подчеркнуть. У нихъ, у старыхъ русскихъ студентовъ, была вѣра въ лучшее будущее, страстное желаніе измѣнить тогдашнюю мрачную русскую дѣйствительность, жажда духовной красоты; одной изъ основныхъ чертъ ихъ духовнаго облика была высокая нравственность и этичность, готовность пожертвовать всѣмъ во имя идеаловъ правды и справедливости, во имя блага народа. Идейное начало проникало всю ихъ общественную и частную жизнь. У современнаго-же русскаго студенчества, долгомъ котораго является дѣйственно послужить дѣлу возрожденія русскаго народа и Россіи, порабощенной коммунизмомъ, этаго къ сожалѣнію нѣтъ.

А вѣдь русская молодежь должна себѣ уяснить, что господство губительныхъ воззрѣній практическаго матеріализма искажаетъ, загрязняетъ и губитъ жизнь, чему примѣромъ можетъ служить упадокъ и разложеніе нашей Родины, что стремленіе къ однимъ лишь чувственнымъ удовольствіямъ съ отрицаніемъ всякаго освящающаго отношенія между полами идеальнаго чувства изгоняетъ изъ жизни истинную духовную красоту и источникъ счастья человѣческаго, — святую любовь, дающую подлинную жизнерадостность, что наконецъ господство въ ея средѣ узкихъ, эгоистическихъ стремленій и неспособность подчинить ихъ глубокому идейному началу отдаляютъ на неопредѣленное время духовное возрожденіе Россіи и русскаго народа.

Но не смотря на всѣ отрицательныя условія, въ которыхъ ей приходится работать, К.-Пр. Комиссія съ оптимизмомъ смотритъ въ грядущее будущее и глубоко вѣритъ въ то, что послѣ періода упадка наступитъ моментъ возрожденія, послѣ господства мрачныхъ отрицательныхъ принциповъ матеріализма восторжествуютъ возвышенные идеалы правды, добра и красоты, а съ ними воцарятся въ мірѣ утерянныя человѣчествомъ подлинное счастье и радость жизни.

Сдѣлавъ необходимое отступленіе отъ непосредственнаго изложенія дѣятельности К.-Пр. Комиссіи, какъ основной задачи настоящей статьи, я приступаю къ дальнѣйшему описанію работы Комиссіи.

Въ концѣ прошлаго академ. года Комиссія рѣшила использовать для работы лѣтнія каникулы и съ этой цѣлью ею были розданы коллегамъ подписные листы для сбора пожертвованій въ провинціи на веденіе культ.-просвѣт. работы. Въ результатѣ собранныхъ сборовъ оказалось около 700 зл., каковая сумма составила фондъ К. Пр. Комиссіи

Два послѣдніе мѣсяца въ текущемъ акад. году посвящены были Комиссіей почти исключительно помощи единственной мужской русской гимназіи въ Вильнѣ, оказавшейся въ послѣднее время въ катастрофическомъ матеріальномъ положеніи. Учитывая всѣ отрицательныя послѣдствія для сохраненія и развитія русской культуры за рубежомъ въ случаѣ закрытія гимназіи наряду съ тѣмъ нежелательнымъ обстоятельствомъ, что последняя группа мужской русской молодежи въ Вильнѣ, обучающаяся сейчасъ въ русской гимназіи, въ случаѣ ея закрытія, вынуждена была-бы поступить въ польскія гимназіи, гдѣ подверглась-бы опасности денаціонализаціи, К.-Пр. Комиссія сочла своимъ безусловнымъ долгомъ оказать посильную помощь гимназіи Поддержка эта выразилась въ единовременномъ пожертвованіи на нужды гимназіи 300 зл. изъ фонда Комиссіи, принятіи расходовъ по напечатанію обращенія къ русскому населенію на свой счетъ и др — всего на сумму около 400 зл. Помощь гимназіи со стороны К.-Пр Комиссіи однако не ограничилась исключительно этимъ. Члены Комиссіи въ числѣ около 10 приняли участіе въ привлеченіи членовъ въ „Секцію друзей русск. гимназіи“ при Виленск Русск. Общ., поставившую своей задачей несеніе матеріальной помощи гимназіи, причемъ было привлечено болѣе 100 чл. Затѣмъ Комиссія делегировала одного, а позднѣе и второго представителей въ „Совѣтъ Секціи Друзей Русской Гимназіи“. Такимъ образомъ въ кругъ задачъ К.-П. Комиссіи къ прежнимъ добавлена задача поддержки русской гимназіи въ Вильнѣ.

Въ ближайшее время намѣчается Комиссіей устройство ряда публичныхъ докладовъ на различныя темы, затрагивающія актуальныя проблемы современной подсовѣтской и эмигрантской Россіи, а также ряда внутреннихъ рефератовъ и дискуссіонныхъ собраній.

Для этой цѣли привлечены лектора, какъ изъ своей среды, такъ и изъ числа представителей мѣстной русской общественности.

Помимо этаго постановлено также организовывать ежемѣсячные политическіе отчеты для членовъ Кружка и части приглашенныхъ лицъ изъ мѣстной русской интеллигенціи, съ цѣлью точнаго уясненія современныхъ международныхъ отношеній, а въ особенности политическаго положенія въ Россіи и той реальной обстановки, въ которой приходится приступать къ веденію русскаго національнаго дѣла. Обязанность составленія докладовъ взяли на себя члены К.-Пр. Комиссіи.

Въ своей настоящей и дальнѣйшей дѣятельности Комиссія рѣшила неизмѣнно и безусловно руководствоваться основными принципами, заключенными въ первоначальномъ проектѣ дѣятельности.

г. Вильно, 1. XII. 1927.

В. К—скій.

ОБЩЕСТВО РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ „ДРУГЪ“ ВЪ 1926—27 АКАДЕМИЧЕСКОМЪ ГОДУ.

Собраніе всякой Организаціи имѣетъ обыкновенно большое фактическое и психологическое значеніе, такъ какъ съ одной стороны подводитъ итоги сдѣланной работѣ и намѣчаетъ планъ дѣятельности на будущее, съ другой-же является смотромъ силъ организаціи и укрѣпляетъ въ ея членахъ вѣру въ достиженіе преслѣдуемыхъ ею цѣлей. Подтвержденіемъ такого взгляда было состоявшееся 13 ноября с.г. общее собраніе членовъ О-ва русскихъ студентовъ „Другъ“, на которомъ правленіемъ и контрольной комиссіей О-ва были прочтены доклады, освѣтившіе его жизнь в 1926—1927 академическомъ году. Собраніе это явилось

яркимъ доказательствомъ того отраднаго факта, что О-во „Другъ", несмотря на неблагопріятныя условія, постоянно крѣпнетъ и развивается.

О-во насчитываетъ въ настоящее время 182 члена въ томъ числѣ 160 дѣйствительныхъ, 22 чл. соревнователя, 142 прошлогоднихъ, 40 принятыхъ въ началѣ текущаго академическаго года. Члены О-ва распредѣляются по учебнымъ заведеніямъ слѣдующимъ образомъ: Университетъ 110 человѣкъ, въ томъ числѣ факультетъ юридическій 35 человѣкъ, историко-филологическій 28, физико-математическій 25, медицинскій 21; Политехникумъ 46 человѣкъ, въ томъ числѣ отдѣлъ путей сообщенія 13 человѣкъ, механическій 10, лѣсной 15, химическій 3, архитектурный 2, общеобразовательный 3; Ветеринарная Академія 7 человѣкъ; Торговая Академія, Коммерческій Институтъ и Консерваторія 19 чел.

Какъ и въ прошлые годы, дѣятельность О-ва „Другъ" развивалась въ двухъ основныхъ направленіяхъ: во-первыхъ О-во оказывало своимъ членамъ посильную матеріальную помощь, во-вторыхъ О-во вело культурно-національную работу.

Матеріальная помощь нуждающимся студентамъ проявлялась въ различныхъ формахъ. Прежде всего О-во „Другъ", получивъ отъ Русскаго Народнаго Дома 5 комнатъ въ зданіи по ул. Курковой № 14, устроило въ нихъ общежитие для своихъ членовъ. Жильцы общежитія уплачиваютъ въ кассу О-ва 2 зл. мѣсячно, получая за это квартиру съ отопленіемъ, освѣщеніемъ и уборкой. Безусловно, общежитие является очень существенной поддержкой студентамъ, многіе изъ которыхъ не въ состояніи жить на частныхъ квартирахъ и могутъ продолжать образованіе исключительно благодаря тому, что пользуются общежитіемъ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ громаднаго значенія общежитія для студентовъ является фактъ, что имъ пользуется 60 человѣкъ а 22 студентамъ пришлось отказать въ принятіи изъ-за недостатка свободныхъ мѣстъ. Правленіе О-ва „Другъ" зявѣдываетъ общежитіемъ посредствомъ назначаемаго имъ старосты общежитія которымъ въ настоящее время является В. А Гошовскій, помощниками-же его состоятъ старосты комнатъ, избираемые ихъ жильцами.

Послѣ закрытія О-вомъ Русскихъ Дамъ студенческой столовой, которой пользовались члены О-ва „Другъ", О-во открыло столовую въ собственномъ вѣдѣніи, поручивъ ея управленіе особой комиссіи подъ предсѣдательствомъ В. Н. Бика. Студенты, пользующіеся столовой, получаютъ за 70 гр. обѣдъ, состоящій изъ двухъ, а по воскресеньямъ изъ трехъ блюдъ. Благодаря умѣлому руководству, столовая не приноситъ О-ву дефицита.

Кромѣ того матеріальная помощь О-ва своимъ членамъ выражалась въ выдачѣ краткосрочныхъ и долгосрочныхъ ссудъ, уплаты за обѣды въ студенческой столовой, уплаты за правоученіе за наименѣе обезпеченныхъ студентовъ и т д.

Что касается источниковъ доходовъ О-ва, то ими являются членскіе взносы; пособія университетскаго сената, получаемые отъ поры до времени благодаря куратору О-ва — профессору Константину Хилинскому; пособія русскихъ институцій, н пр.: Русскаго Народнаго Дома, Ставропигійскаго Института, Русскаго Пріюта и т. п.; пожертвованія частныхъ лицъ и т. д

Къ области оказанія студенчеству матеріальной помощи должна быть отнесена также дѣятельность О-ва „Другъ" по сбору пожертвованій на погашеніе долга фундаціи „Домъ русской студенческой молодежи им. А. Ю. Ясеницкаго". Правда, эта дѣятельность не дала до сихъ поръ осязаемыхъ результатовъ, такъ какъ фундаціонный домъ все еще занимаютъ посторонніе жильцы, благодаря существующему еще квартирному закону. Однако послѣ окончательнаго погашенія долга, которое предвидится къ апрѣлю 1928 года, обстоятельства перемѣнятся: фундація окончательно перейдетъ въ руки студентовъ и можно будетъ предпринять шаги къ выселенію частныхъ жильцовъ изъ фундаціоннаго дома и водворенію на ихъ мѣсто студентовъ. Конечно, въ виду существованія закона, охраняющаго квартирантовъ, дѣло ихъ выселенія будетъ труднымъ, но все таки съ теченіемъ времени квартиранты должны будутъ уйти, очистивъ мѣсто студентамъ

Кромѣ несенія своимъ членамъ матеріальной помощи, О-во „Другъ" вело среди нихъ также культурно-національную работу.

При О вѣ „Другъ" существуетъ библіотека, которая въ 1925—1926 академическомъ году насчитывала 1044 книги, въ 1926 - 1927-же году 1179 книгъ, увеличившись такимъ образомъ на 135 кн., которыя были частью куплены, частью пожертвованы Ставропигійскимъ Институтомъ, его сеніоромъ Н. Г. Третьякомъ и т. д. Въ 1926—1927 академическомъ году прошло черезъ руки абонентовъ 800 книгъ, при чемъ библіотекой пользовались не только члены О-ва „Другъ", но и ученики среднихъ учебныхъ заведеній — члены львовскаго отдѣла О.Р.М.'а и воспитанники бурсъ Ставропигійскаго Института и Русскаго Народнаго Дома. Самымъ большимъ спросомъ пользовались книги новѣйшей беллетристики, которыхъ въ библіотекѣ О-ва очень мало, въ виду чего правленіе О-ва обратилось въ О-во им. Михаила Качковскаго съ просьбой разрѣшить членамъ О-ва „Другъ" безплатно пользоваться библіотекой упомянутой организаціи. Просьба правленія О-ва была рѣшена въ положительномъ смыслѣ, кромѣ того Русскій Благотворительный Комитетъ по просьбѣ Правленія Секціи Русскихъ Студентовъ, со своей стороны разрѣшилъ членамъ О-ва „Другъ" безплатно пользоваться библіотекой упомянутой организаціи. При библіотекѣ О-ва „Другъ" функціонируетъ читальня, общая для членовъ упомянутаго О-ва и Секціи Русскихъ Студентовъ при Русскомъ Благотворительномъ Комитетѣ, въ которую обѣими организаціями выписывается 10 газетъ, въ томъ числѣ 8 русскихъ, 1 польская, 1 французская и 4 журнала 3 русскихъ, 1 польскій.

Въ теченіи 1926—1927 академическаго года О-во „Другъ" устроило 4 реферата, а именно: А. Ч. Хилякъ читалъ рефератъ на тему: „Гражданинъ и государство", Р. И. Габрусевичъ на тему: „Законъ о кооперативахъ въ Польшѣ", Г. И. Чемерисъ на тему: „Значеніе кооперации для Галицкой Руси" и „Какъ основывать кооперативы въ деревняхъ?" Кромѣ того О-во „Другъ" занялось, совмѣстно съ Секціей Русскихъ Студентовъ при Русскомъ Благотворительномъ Комитетѣ, устройствомъ во Львовѣ лекцій проф. Н А. Бердяева на темы: „Христіанство и марксизмъ" и „Христіанство и современная душа", а также устроило 2 концерта-вечера и 1 балъ, состоявшійся въ день съѣзда членовъ Русскаго Народнаго Объединенія и прошедшій съ громаднымъ успѣхомъ.

Драматическій кружокъ О-ва „Другъ", состоявшій подъ руководствомъ О. М. Бородчака, выступалъ только одинъ разъ, а именно въ день об-

щаго собранія членовъ О-ва им. Михаила Качковскаго 8 декабря 1926 года, поставивъ при активномъ содѣйствіи А. Н. Полянскаго и Г. И. Чемериса мелодраму Гуталевича-Вербицкаго „Подгоряне“.

Хоръ О-ва „Другъ“, организовавшійся въ автономную единицу подъ предсѣдательствомъ Л. В. Сваричевскаго, устраивалъ репетиціи и выступалъ нѣсколько разъ на концертахъ подъ управленіемъ Н. С. Чучвары.

Пользующійся почетной извѣстностью симфоническій оркестръ О-ва „Другъ“ выступалъ подъ управленіемъ Б. В. Труша на концертѣ, посвященномъ памяти Б. А. Дѣдицкаго, на концертѣ въ день Русской Культуры, на концертѣ, устроенномъ послѣ общаго собранія членовъ О-ва им. М. Качковскаго 1 ноября с. г. и т. д., будучи такимъ образомъ одной изъ причинъ того, что эти торжества прошли съ такимъ громаднымъ подъемомъ духа, и одновременно расширяя свою популярность.

О-во „Другъ“ учавствовало въ издательствѣ журнала „На Рубежѣ“, высылая въ его редакціонную комиссію своихъ представителей въ лицѣ д-ра В. Р. Ваврика, д-ра Ю. И. Демьянчика и Р. Я. Луцыка, и ходатайствуя успѣшно передъ Правящимъ Совѣтомъ Ставропигійскаго Института и его сеніоромъ Н. Г. Третьякомъ о признаніи пособія на издательство журнала.

Не ограничиваясь въ своей работѣ исключительно студенческой средой, О-во содѣйствовало организаціи мѣстнаго отдѣла О.Р.М.‘а, принимало участіе въ устройствѣ дня Русской Культуры, 100-лѣтняго юбилея галицко-русскаго писателя и общественнаго дѣятеля Б. А. Дѣдицкаго и т д.

Что касается культурно-просвѣтительной, экономической и политической работы среди галицкорусскаго крестьянства, то этой работой занялась Секція студентовъ-членовъ Русскаго Народнаго Объединенія, состоявшая изъ членовъ О-ва „Другъ“. Работа Секціи, довольно интенсивная и плодотворная, найдетъ свое освѣщеніе въ другомъ мѣстѣ.

Въ заключеніе этого бѣглаго очерка о жизни старѣйшей въ Польшѣ русской студенческой организаціи приведемъ составъ Правленія и Контрольной Комиссіи О-ва, избранныхъ на общемъ собраніи 13 ноября с. г. Итакъ Правленіе О-ва „Другъ“ состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: Предсѣдатель: П. Р. Красицкій, члены Правленія: М. Ю. Барановскій, С. И. Курылишинъ, О. Ю. Лупыкъ, Р. Я. Луцыкъ, О. И. Сухаровскій Ф. С. Хилякъ; кандидаты: М. О. Онышкевичъ, Л. В. Сваричевскій; Контрольная Комиссія О-ва избрана въ слѣдующемъ составѣ: К. Г. Кокозовъ, Д. К. Копыстянскій, С. И. Левицкій. *Р. Л.*

СЕКЦІЯ РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ ПРИ Р. Б. К. во ЛЬВОВѢ.

О цѣляхъ и задачахъ Секціи Русскихъ Студентовъ было подробно упомянуто во 2-мъ номерѣ нашего журнала; тамъ же говорилось и о проведеніи этихъ задачъ въ жизнь. Однако болѣе ярко и образно можно освѣтить дѣятельность Секціи, бросивъ бѣглый взглядъ на то, что было сдѣлано въ минувшемъ 1926—27 учебномъ году. Статистическія данныя и подробный отчетъ о работѣ Секціи въ теченіе одного года, быть-можетъ, укажутъ на тѣ достиженія, какія были сдѣланы Секціей за все время ея существованія и дадутъ нѣкоторое представленіе о томъ громадномъ значеніи, какое имѣетъ Секція какъ организація, сплотившая въ себѣ львовское русское студенчество

Какъ было указано раньше, дѣятельность Секціи проявляется въ трехъ направленіяхъ: ведется культурно-національная работа, выражающаяся въ устройствѣ воскресныхъ чтеній для русскихъ дѣтей и въ организаціи лекцій и рефератовъ для студентовъ, оказывается академическая помощь и, наконецъ, матеріальная поддержка наиболѣе нуждающимся членамъ Секціи

Въ области культурно-національной работы въ истекшемъ учебномъ году Правленіемъ Секціи были приложены всѣ усилія къ тому, чтобы заинтересовать русское студенчество, сдѣлать его болѣе чуткимъ къ вопросамъ родной литературы, науки и искусства; съ этой цѣлью былъ организованъ рядъ рефератовъ и лекцій. Къ сожалѣнію, проэктъ цикла рефератовъ и лекцій изъ области русской литературы, науки и искусства встрѣтилъ много затрудненій и былъ осуществленъ немного уже; чѣмъ это предполагалось Въ минувшемъ учебномъ году были прочитаны рефераты для членовъ Секціи и Об-ва „Другъ“: 13-го и 20-го февраля 1927 г кол. К. Думанскимъ на тему: „Общественное значеніе поэзіи Есенина“, и въ началѣ іюня кол. Е Полонской — первая часть реферата на тему: „Очеркъ русской философіи XIX и XX вѣка“. На ряду съ этимъ по приглашенію Секціи совмѣстно съ Об-вомъ „Другъ“, проф. Н. А. Бердяевъ прочелъ во Львовѣ двѣ лекціи. Первая состоялась 2-го октября 1927 г. для широкой русской публики на тему: „Христіанство и современная душа“, вторая 3 октября — исключительно для русскихъ студентовъ, — на тему: „Христіанство и марксизмъ“.

Кромѣ того, на вечеринку устроенную Секціей 15 мая 1927 г. былъ приглашенъ посѣтившій городъ Львовъ извѣстный русскій поэтъ К. Д. Бальмонтъ;—встрѣченный отъ лица Секціи привѣтственнымъ словомъ кол. К. Думанскаго, въ отвѣтъ на которое поэтъ прочелъ свои стихотворенія „Русь“ и „Степь“.

Въ цѣляхъ сближенія русскаго студенчества съ русскимъ обществомъ, а также болѣе тѣснаго общенія самихъ студентовъ, устраивались вечеринки и спектакли, носившіе въ большинствѣ случаевъ семейный характеръ. На вечеринки эти приглашались русскіе эмигранты, проживающіе во Львовѣ, мѣстные русскіе дѣятели съ семьями, равно какъ и вся студенческая молодежь. Такъ въ семейной обстановкѣ, былъ отпразднованъ 3-хъ-лѣтній юбилей существованія Секціи — 20 марта 1927 г.

Съ другими студенческими организаціями, Секція поддерживала непрерывную связь, въ частности, съ Объединеніемъ Русскихъ Эмигрантскихъ Студенческихъ Организацій (О.Р.Э.С.О) въ Прагѣ, съ редакціей студенческаго журнала „Годы“, съ русскимъ Академическимъ Союзомъ въ Данцигѣ, съ Союзомъ Русскихъ Студентовъ въ Польшѣ и съ Кружкомъ Русскихъ Студентовъ Университета Стефана Баторія въ Вильнѣ. Слѣдуетъ отмѣтить, что 3 февраля 1927 г. состоялось соединенное собраніе членовъ Секціи и Об-ва „Другъ“ по просьбѣ пріѣхавшихъ во Львовъ представителей Объединенія Русской Молодежи (О.Р.М.), желавшихъ открыть его филіалъ во Львовѣ. На этомъ собраніи былъ

избранъ организаціонный Комитетъ, взявшій на себя организацію отдѣла ОРМ-а во Львовѣ и весной 1927 г. осуществившій возложеную на него задачу.

Совмѣстно съ Об-твомъ „Другъ" была организована для студентовъ общая читальня, для которой обѣ студенческія организаціи выписываютъ рядъ русскихъ изданій.

Культурная работа Секціи для русскихъ дѣтей выразилась въ устройствѣ еженедѣльныхъ воскресныхъ чтеній.

Но главнымъ центромъ, вокругъ котораго сосредоточилась культурно-національная работа Секціи, какъ уже было указано раньше, былъ студенческій журналъ „На Рубежѣ". Съ первыхъ же шаговъ существованія журнала Секція приняла самое дѣятельное участіе въ его изданіи, ассигнуя изъ своей кассы наравнѣ съ О-мъ „Другъ" необходимую для изданія сумму и избравъ изъ своей среды 3-хъ членовъ редакціонной Комиссіи. Въ настоящее время въ составъ редакціонной Комиссіи отъ лица Секціи входятъ коллеги: Е. Полонская, В. Сорокина и Р. Левицкій. Заботясь—какъ о расширеніи самаго журнала, такъ и о его наиболѣе широкомъ распространеніи среди русскаго общества, редакціонная коллегія привлекла къ участію въ изданіи журнала нѣкоторыхъ извѣстныхъ русскихъ дѣятелей и ученыхъ за границей, равно какъ и многихъ студентовъ.

Академическая помощь членамъ Секціи выражалась въ снабженіи ихъ необходимыми учебниками, пособіями, чертежными досками и т. д. Въ истекшемъ учебномъ году Секціей пріобрѣтено болѣе 30 учебныхъ пособій по разнымъ отраслямъ науки, — преимущественно техники.

Въ смыслѣ матеріальномъ помощь выражалась прежде всего въ выдачѣ ссудъ. Въ минувшемъ учебномъ году было выдано пособій на общую сумму 1246 злотыхъ. Кромѣ того болѣе несостоятельные изъ членовъ Секціи пользовались безплатными обѣдами въ столовой Общества Русскихъ Дамъ. Нѣкоторые изъ членовъ получили безплатное помѣщеніе въ общежитіи Русскаго Народнаго Дома. Особое вниманіе было обращено на домъ Русской студенческой молодежи имени А. Ю. Ясеницкаго. Былъ произведенъ сборъ среди членовъ Секціи, давшій сумму въ 255 зл., внесенную на покрытіе части долга за этотъ домъ; въ будущемъ намѣченъ новый сборъ средствъ для уплаты слѣдующей части долга въ началѣ 1928 года.

Таковы итоги дѣятельности Секціи за 1926—27 учебный годъ. Какъ для организаціи сравнительно малочисленной и недавно существующей, достиженія довольно велики и въ этомъ случаѣ необходимо воздать должное русской студенческой молодежи, среди которой не было случаевъ отказа въ помощи въ трудную минуту.

Съ началомъ новаго учебнаго года, число членовъ Секціи увеличилось до 70 человѣкъ, большинство изъ вновь поступившихъ посѣщаетъ Политехническій Институтъ но есть и студенты Университета.

6-го ноября 1926 года состоялось очередное годичное собраніе членовъ Секціи, на которомъ былъ прослушанъ и утвержденъ прочитанный предсѣдателемъ Секціи Е. И. Полонской докладъ о дѣятельности Правленія Секціи за 1926 27 уч. годъ. Правленію Секціи въ лицѣ предсѣдателя Е. И. Полонской, секретаря Р. Левицкаго и членовъ В. Кулиша, И. Сорокиной и С. Базурина, — Собраніемъ была выражена благодарность за его дѣятельность. На томъ же Собраніи было избрано новое Правленіе Секціи, въ составъ котораго вошли слѣдущіе лица: предсѣдатель Николай Неводскій, товарищъ предсѣдателя Леонидъ Кобылянскій, секретарь Евгеній Бушма, казначей Борисъ Зыковъ и завѣдующій хозяйствомъ и библіотекой Дмитрій Полякъ.

На ряду съ этимъ на Собраніи были разсмотрѣны вопросы, касающіеся внутренней жизни Секціи, вопросъ о домѣ русской студенческой молодежи имени А. Ю. Ясеницкаго и рядъ другихъ, по которымъ были приняты Собраніемъ соотвѣтствующія резолюціи

Вновь избранное Правленіе Секціи, поставило своей цѣлью продолжать плодотворную работу своихъ предшественниковъ, вести Секцію Русскихъ Студентовъ по дорогѣ культурно-національныхъ достиженій и тѣмъ самымъ поставить Секцію на должную и соотвѣтствующую ей высоту.

Въ этомъ отношеніи уже сдѣланы нѣкоторые шаги. Такъ въ цѣляхъ ознакомленія русскаго техническаго образованія Секція снеслась съ проф. Д. М. Сокольцовымъ, который еще въ минувшемъ году обѣщалъ прочесть во Львовѣ лекцію для русскихъ студентовъ Результатомъ этихъ переговоровъ явилось согласіе Д. М. Сокольцова прочесть 1'. декабря 1927 г. лекцію на тему „Высшее техническое образованіе въ Россіи въ довоенное время и теперь" Въ будущемъ намѣченъ еще цѣлый рядъ рефератовъ и лекцій.

По иниціативѣ Правленія при Секціи организовался драматическій кружокъ, первымъ публичнымъ выступленіемъ котораго, будетъ вечеринка-спектакль, устраиваемый 7 декабря с. г Предположено въ будущемъ устройство цѣлаго ряда спектаклей пріуроченныхъ въ русскимъ національнымъ праздникамъ.

Такимъ образомъ всѣ усилія направлены къ тому чтобы Секція Русскихъ Студентовъ во Львовѣ, не только не заглохла, но наоборотъ развивалась бы, принося своимъ членамъ все больше и больше матеріальной и моральной помощи. И пожеланіемъ каждаго русскаго студента является, чтобы тотъ пока мерцающій, путеводный огонекъ, какимъ была Секція для русскихъ студентовъ во Львовѣ до сихъ поръ, разгорѣлся бы въ пылающій костеръ, освѣщающій путь молодому русскому поколѣнію въ его неустанномъ шествіи къ возрожденію Родины.

Е. К. Б.

Львовъ, декабрь 1927 года.

МИРОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ТРЕТЬЯКЪ.

(Некрологъ).

. . . Снѣгъ тихо и медленно падаетъ съ хмурыхъ небесъ и прикрываетъ толстой пеленою могильный склепъ, а передъ глазами души все еще стоитъ траурное шествіе похоронное и въ ушахъ все еще звучатъ трогательные напѣвы погребальныхъ молитвъ...

Миронъ Николаевичъ Третьякъ, членъ О-ва русскихъ студентовъ „Другъ", родившійся въ г. Калушѣ 31 января 1905 года, происходилъ изъ семьи, давшей Галицкой Руси многихъ тружениковъ, извѣстныхъ своею дѣятельностью, благодаря

которой галицко-русскій народъ былъ выведенъ изъ тьмы невѣжества и вознесенъ на болѣе высокую степень культурнаго развитія. Такъ, его дядя, Д. Г. Третьякъ, былъ популярнымъ писателемъ и собирателемъ народныхъ пѣсенъ, его отецъ, совѣтникъ суда Н. Г. Третьякъ, состоитъ уже нѣсколько лѣтъ сеніоромъ Ставропигійскаго Института, старѣйшей русской институціи на западномъ рубежѣ нашей земли. Покойный Миронъ Николаевичъ посѣщалъ народную школу сначала въ Тарнополѣ, а потомъ во Львовѣ. Въ 1915 году отецъ покойнаго Н. Г. Третьякъ, спасаясь онъ преслѣдованій австрійскихъ властей, уѣхалъ вмѣстѣ съ семьей въ Россію, покойный Миронъ Николаевичъ посѣщалъ гимназію для уроженцевъ Прикарпатской Руси въ Ростовѣ на Дону. Послѣ возвращенія въ 1918 году на родину, покойный поступилъ въ 1920 году въ IV классъ второго реальнаго училища во Львовѣ. Проходя всѣ классы первымъ ученикомъ, Миронъ Николаевичъ въ 1924 году окончилъ съ отличіемъ реальное училище, послѣ чего записался на электротехническе отдѣленіе механическаго факультета львовскаго политехникума. Одновременно поступилъ покойный въ члены О-ва русскихъ студентовъ „Другъ" и принималъ дѣятельное участіе въ его работѣ, пользуясь среди коллегъ всеобщей симпатіей. Но судьба не была къ нему милостивой. Миронъ Николаевичъ заболѣлъ скоротечной чахоткой и, промучившись нѣсколько мѣсяцевъ, скончался 13 ноября 1927 года.

Похороны состоялись 15 ноября 1927 года при многолюдномъ участіи русскихъ львовянъ. Пѣлъ галицко-русскій студенческій хоръ подъ управленіемъ Н. С. Чучвары. Гробъ отъ воротъ кладбища до фамильнаго склепа Третьяковъ несли студенты. Надъ могилой произнесъ прощальную рѣчь студ. Г. И. Чемерисъ, послѣ чего было возложено нѣсколько вѣнковъ, въ томъ числѣ одинъ — украшенный лентами голубой и трехцвѣтной — отъ О-ва „Другъ".

. . Спи мирнымъ сномъ, дорогой другъ!..

САТИРА И ЮМОРЪ

УДИВИТЕЛЬНЫЕ СТУДЕНТЫ.

Никому не совѣтую, уважаемые коллеги, перечитывать романа „Рудинъ", даже если-бы по счастливой случайности заболѣли (отдохнешь, по крайней мѣрѣ!) и даже если бы не было подъ рукой другой книги.

Просто поражаешься, какіе удивительные были когда-то студенты: сойдутся, бывало, у Покорскаго человѣкъ пять, шесть, „въ глазахъ у каждаго восторгъ, щеки пылаютъ и сердце бьется", (явные признаки недозрѣлаго экстаза!) — и говорятъ... говорятъ о такихъ нежизненныхъ *высокихъ матеріяхъ* (т. е. туманныхъ химерахъ), какъ „правда, будущее человѣчества, Богъ, поэзія"... — и, по словамъ Тургенева, сами восхищаются!

Сходятся же по доброй волѣ, никто не стыдитъ и не тянетъ, не урезониваетъ, что собранія де для того, чтобы на нихъ приходить. Мы — въ худшемъ случаѣ тоже придемъ, но просидѣвъ такъ часика два, три, частенько бываемъ недовольны, раздражены, — нѣтъ, нѣтъ, да и сорвется съ языка сожалѣніе о потерянномъ времени. На нихъ же собранія совсѣмъ какъ-то непонятно дѣйствовали, — они „разспрашивали, радовались (вотъ чудаки!) благоговѣли (никакъ не пойму!) и начинали почему то лучше учиться (это ужъ совсѣмъ странно!)

Расходились — вообразите себѣ — не *до брамы*, а когда „птички чирикали" и при этомъ, какъ бы предвидя наши подозрѣнія, авторъ замѣчаетъ: „вина у насъ тогда и въ поминѣ не было", *живительной влаги*, очевидно, — тоже, потому что „расходились веселые, трезвые" (для многихъ странное сочетаніе словъ!)

По всѣмъ даннымъ — какъ ни дико звучитъ — но Гегель пользовался у нихъ бо́льшимъ почетомъ, чѣмъ Бачевскій.

Кажется, даже и картъ не водилось: гдѣ тамъ было играть въ маленькой и низенькой конуркѣ Покорскаго, — ужъ не на единственномъ ли продавленномъ диванѣ?

Нѣтъ, они сходились только поговорить, пофилософствовать [1]), — даю Вамъ честное слово! Угощенье, вѣдь, было самое ничтожное: „старые, престарые сухари" (навѣрное, зубы можно было сломать) и „прескверный чай" (ну, такой и у насъ бываетъ). Освѣщеніе въ конуркѣ было тоже не весьма яркое: „одна сальная свѣча".

— Интересно, собиралось ли бы теперь у коллеги Покорскаго такое обиліе гостей?!

Среди этихъ оригиналовъ находились и такіе, которые умѣли говорить и даже талантливо говорить, „проводить правильныя, свѣтлыя нити мысли и открывать духовныя перспективы". Дарованіе, очевидно, уже отжившее, присущее еще развѣ что студентамъ-дѣятелямъ т. е. неучащейся молодежи.

У нихъ „слова лились рѣкой". У насъ же это случается только на общемъ собраніи и то съ очень немногими коллегами. Имъ обиліе мысли „мѣшало выражаться"; намъ, правда, тоже что-то мѣшаетъ выражаться, но я только не увѣрена, — обиліе ли это мыслей или это что-нибудь другое?...

Иногда они такъ расправляли крылья (конечно въ переносномъ смыслѣ), что „залетали въ самую глубь и лазурь неба". Теперь же, надѣюсь, такого не случится ни съ однимъ нашимъ порядочнымъ студентомъ: мы народъ дѣловой и практическій, — предоставили это аэропланамъ и птицамъ.

Вообще, легкомысліе прежняго студенчества просто поражаетъ: доживали до сѣдыхъ волосъ и умирали гдѣ то во Франціи, какъ какіе-то „Polonais" [2]) (гмъ .. хотя и теперь, пожалуй, иные русскіе умираютъ, какъ „Polonais"!?)

Чтожъ! Такимъ студентамъ и звѣзды по временамъ могли „казаться ближе", а ужъ какъ это происходило, — не только я — историкъ, но и самъ астрономъ, думаю, не объяснитъ.

Львовъ, 25 ноября 1927 г.

В. К.

---

[1]) Философія — см. Энциклопедическій словарь Ф. Павленкова, изд. С. Петербургъ 1905 г., стран. 2577. (Примѣчаніе для коллегъ Политехникума.)

[2]) Послѣднія строки романа „Рудинъ", если у кого нибудь хватитъ терпѣнія дочитать до послѣднихъ строкъ.

ПРОТОКОЛЪ ПЕРВАГО ЗАСѢДАНІЯ КУЛЬТУРНОЙ КОМИССІИ*) ПРИ СЕКЦІИ РУССКИХЪ СТУДЕНТОВЪ ВО ЛЬВОВѢ ЗА 1925|26 УЧЕБНЫЙ ГОДЪ.

Съ „квадрансомъ“ всѣ на засѣданье къ намъ со-[шлись,
(Собраніе было на квартирѣ).
Вопросы нужные изъ книжечки прочлись, —
„Начнемъ! всѣ въ сборѣ!“ (насъ четыре.)
— — — — — — — — — — — —
Полонская, какъ лебедь, рвется въ облака,
Потомъ уныло замолкаетъ.
Думанскій слушаетъ и смотритъ свысока,
Плечами гордо пожимаетъ,
Но полка съ книгами недалеко какъ разъ —
Вотъ развлеченье и готово, —
Пока Неводскій бѣдный, можетъ, въ сотый разъ
Воюетъ жарко съ мукой слова!..
Вопросомъ главнымъ было чтенье для дѣтѣй;
Они — признаться — не явились;
Коллега ждалъ, томясь, напрасно пару дней,
И — ясно — чтенья прекратились!
А Коля, грустный, въ довершенье ко всему,
Смутясь, краснѣя какъ невѣста,
Сказалъ (увы!), что „кормъ совсѣмъ не по коню
И нѣтъ ему въ Комиссіи мѣста!..“
Думанскій вслѣдъ за нимъ заговорилъ,
Что онъ уступитъ лучше Згерѣ,
(Хотя объ этомъ Миша вовсе не просилъ!)
И спать хотѣлось бѣдной Вѣрѣ!

В. Сорокина.

Львовъ.

ПРОТОКОЛЪ ОДНОГО ИЗЪ ЗАСѢДАНІЙ КУЛЬТУРНОЙ КОМИССІИ.

(Привлеченіе новыхъ членовъ.)

Былъ поставленъ вопросъ на Культурной Комиссіи
Новыхъ членовъ въ нее привлекать.
Не такъ легкой была эта скучная миссія :
Всѣхъ студентовъ пришлось перебрать!
„Миша, Коля, Володя, Борисъ...“ — Не годится!
Да и сами они не пойдутъ:
Лучше лишній разочекъ въ картишки сразиться,
А проэкты, вѣдь, тоже не ждутъ?!
„Ира, Мурка ..“ — „Ахъ, нѣтъ! Всѣ должны за-[ниматься, —
„Не удастся привлечь ихъ, — шалишь!“ —
„За кого же намъ общими силами взяться?“
И остался одинъ лишь Кулишъ.

* * *

Собрались. Тишина... „Ну, начнемъ-же!“ — „По-[жалуй“...
„Отобрали мы книгъ для дѣтей“.
— Каталоги читаетъ Думанскій устало —
„Ну, начнемъ, господа, поскорѣй“!
„Приближаются праздники — Леля сказала —
Вотъ бы намъ рефераты прочесть...
Даже нѣсколько темъ я уже отобрала:
Если только желаніе есть“?..
Тишина... „Да пожалуй, оно-бъ не мѣшало“..
(Новый членъ почему-то молчитъ,
Каталоги читаетъ Думанскій устало,
А у Коли головка болитъ.)
„Но о чемъ рефератъ? Вамъ, коллеги, извѣстно,
Что товарищей можетъ занять,
Чтобы имъ и послушать было-бъ интересно,
Чтобъ и намъ не на вѣтеръ читать“?
Тишина .. „Ну, подумайте, я ожидаю“.
(Печать мысли у всѣхъ на лицѣ.)
„Да, Ей-Богу, коллега, не представляю,“
Отозвался Думанскій вконцѣ.
А Неводскій сказалъ, что „всѣ эти паренья
(Такъ онъ самъ рефераты назвалъ)
Не имѣютъ для насъ никакого значенья,
Вообще, такъ сказать, идеалъ“! ..
И поднялся вопросъ : вся Комиссія нужна ли?
Можетъ лучше собранья закрыть?“
„Ну, помилуйте, мы ужъ такого не ждали“
Началъ Коля Неводскій вопить
Всѣ признались открыто, что имъ надоѣло
Говорить, предлагать и молчать,
И рѣшили подвинуть культурное дѣло! —
Но... порѣже собранья сзывать.

В. Сорокина.

Львовъ.

*) Члены: Елена Полонская, Вѣра Сорокина, Константинъ Думанскій и Николай Неводскій. Печатается съ любезнаго разрѣшенія членовъ Культ. Ком.

ХРОНИКА ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

ИЗВѢСТНЫЙ РУССКІЙ МАТЕМАТИКЪ Н. ЛУЗИНЪ ВО ЛЬВОВѢ.

7 — 10 сентября 1926 г. состоялся во Львовѣ первый съѣздъ математиковъ въ Польшѣ. На немъ присутствовали наиболѣе видные представители изъ Варшавы,Львова, Познани, Вильны и Кракова. Въ качествѣ почетныхъ гостей были приглашены изъ Москвы выдающіеся ученые математики — П. Александровъ и Н. Лузинъ съ его молодой талантливой ученицей Н. Бари. Къ сожалѣнію, П. Александровъ не могъ пріѣхать на съѣздъ. Что же касается Н. Лузина, то онъ читалъ докладъ о своихъ новыхъ оригинальныхъ работахъ въ области теоріи множественности, а Н. Бари — рефератъ о конечныхъ изображеніяхъ непрерывныхъ функцій.

Н. Лузинъ былъ все время окруженъ почтительнымъ вниманіемъ; о немъ безпрерывно говорили, какъ о выдающемся творцѣ-ученомъ, такъ много создавшемъ въ области новѣйшихъ достиженій теоріи множественности.

Львовъ. Ноябрь, 1927 г. *Е. П.*

20 ноября с. г. состоялось годичное собраніе Секціи студентовъ-членовъ Русскаго Народнаго Объединенія во Львовѣ. Собраніе открылъ Р. Я. Луцыкъ, руководилъ имъ президіумъ въ слѣдующемъ составѣ: С. С. Кметикъ, какъ предсѣда-

тель, и Н. В. Ольшанская и К. В. Левицкій, какъ секретари. Въ качествѣ гостей присутствовали: предсѣдатель Галицко-Русской Народной Организаціи Г. С. Малецъ, ея секретарь М. А. Марко, а также В. Р. Ваврикъ и С. И. Пашкевичъ. Съ отчетомъ о дѣятельности Секціи выступилъ В. В. Тыссъ. Изъ отчета выяснилось, что Секція принимала дѣятельное участіе въ политической, культурно-просвѣтительной и экономической жизни Галицкой Руси. Секціей было предпринято 27 поѣздокъ въ галицкіе города и деревни, принято участіе въ 7 народныхъ вѣчахъ и собраніяхъ, открыто 11 читаленъ и 3 кооператива и т. д. На текущій академическій годъ избранъ совѣтъ Секціи въ слѣдующемъ составѣ: Уполномоченный: Г. И. Чемерисъ, члены совѣта: Н. И. Запоточный, С. С. Кметикъ, Л. Я. Луцыкъ и Е. И. Юрковъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

„КОМСОМОЛЬСКІЙ БЫТЪ."
Изданіе „Молодая Гвардія". Москва.

Передо мной замѣчательная книга — „Комсомольскій бытъ". Она дѣлится на три части: „вопросы коммунистической этики и морали", „какимъ долженъ быть бытъ молодежи" и „комсомольскій бытъ какъ онъ есть".

Первое поверхностное впечатлѣніе отъ книги какъ будто подтверждаетъ общее мнѣніе о комсомолѣ, какъ объ организаціи, насквозь пропитанной хулиганствомъ, пьянствомъ, распущенностью, неврастеніей. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные факты, приведенные въ книгѣ. Слышится еще отголосокъ процесса чубаровцевъ, много говорится о хорошо извѣстномъ дѣлѣ студента горной академіи Коренькова. Кромѣ того посвящено нѣсколько статей Корсунскому комсомольцу Романову, судившемуся „за низкую распущенность, избіеніе жены, и грубое нарушеніе внутрисоюзной демократіи".

Помимо такихъ громкихъ дѣлъ сборникъ пеститъ возмутительнѣйшими фактами комсомольскаго быта: то проходитъ судъ надъ дѣвушкой за ея близкія отношенія къ комсомольцу, при чемъ главнымъ обвинителемъ выступаетъ этотъ самый комсомолецъ, то повѣствуется о хулиганскихъ выходкахъ „парней", то раскрываются картины еще болѣе потрясающей распущенности.

Трудный, звѣриный бытъ „лапанье дѣвчатъ", вѣчные похабные анекдоты, пьянство, развратъ... Казалось бы, — что прибавлять къ этой всѣмъ извѣстной картинѣ? Вѣдь по существу отъ нѣсколькихъ лишнихъ фактовъ ничего не измѣнится. И напрашивается выводъ — больное поколѣніе, поколѣніе, насквозь сгнившее, отъ котораго Россіи ждать нечего.

Но на самомъ дѣлѣ это только поверхностное представленіе о комсомолѣ.

Наряду съ картинами вопіющей распущенности, наряду съ пьянствомъ, насиліемъ и развратомъ въ другой части комсомола существуетъ нѣчто совершенно противуположное, нѣчто, проникнутое суровой сдержанностью, ограниченіемъ самыхъ насущныхъ потребностей, крутымъ спартанствомъ, — можна сказать даже, — аскетизмомъ. Пусть все это очень наивно, а подчасъ даже смѣшно, — тѣмъ не менѣе это такъ. Вотъ комсомолка Д-ва считающая, что коммунизмъ и любовь не совмѣстимы, вотъ 16-ти лѣтній комсомолецъ, утверждающій, что окружающая темнота и невѣжество требуютъ двадцати четырехъ часовъ работы, а потому нельзя не только ходить въ театры, но и думать о чистотѣ своей одежды и уютѣ жилища. Вотъ дѣвушка, сомнѣвающаяся, правъ ли секретарь ячейки, требующій, чтобы она срѣзала свои косы, такъ какъ онѣ, — тормазъ въ работѣ и буржуазный предразсудокъ, вотъ ловля сѣннымъ кошелемъ сидящихъ на лавочкѣ у рѣки парочекъ, вотъ борьба съ ношеніемъ галстуковъ, съ танцами, вотъ, наконецъ, приговоръ по дѣлу трехъ комсомолокъ: одной предложено не мечтать о бѣлыхъ платьяхъ, другая обязуется не вздыхать на луну, а третьей поставлено на видъ, что она не должна „расфуфыриваться какъ буржуазная актриса", а обязана переписать протоколъ послѣдняго засѣданія, серьезнѣе относиться къ политикѣ и не думать о „фартовыхъ кавалерахъ".

Нѣтъ, положительно, подъ налетомъ всяческой чубаровщины въ нѣдрахъ комсомола зрѣетъ какое-то новое міроощущеніе, растится большая внутренняя собранность, стремленіе къ творческому напряженію и къ подвигу. Пусть все это выражено подчасъ совершенно нелѣпо и безграмотно, пусть многіе строгіе блюстители комсомольской нравственности граничатъ съ полнымъ неуваженіемъ человѣческой личности и проводятъ свой законъ морали, зачастую калѣча живыя человѣческія души. Самъ фактъ на лицо, — комсомолъ не исчерпывается различными разсказами о распущенности и паденіи.

Чтобы картина была болѣе ясной и чтобы легче прійти къ нѣкоторымъ выводамъ, надо указать еще на исключительно нелѣпое и смѣшное положеніе коммунистическихъ отцовъ въ ихъ руководствѣ комсомоломъ. Всѣ статьи Ярославскаго, Смидовичъ, Залкинда и другихъ, помѣщаемыя въ „Комсомольской Правдѣ" и долженствующія исправлять ошибки молодежи и наставлять ее на путь истинный, — всѣ онѣ исполнены фальши, какимъ то органическимъ нечувствіемъ къ героическимъ моментамъ въ психологіи молодежи, и безпомощностью въ подходѣ къ моментамъ упадочническимъ.

Смидовичъ декламируетъ о томъ, какъ легко будетъ разрѣшаться семейный вопросъ черезъ сто лѣтъ. Залкиндъ рекомендуетъ молодежи обращать вниманіе на гигіену. Кто-то пишетъ о вредѣ табака, а кто-то другой о разрушительности для организма потребленія алкоголя и т. д.

И все это уснащено скучнѣйшей коммунистической фразой. Ни одного живого слова, ни въ комъ намека на энтузіазмъ, на пафосъ.

Бѣдная русская молодежь! Удивительно неудачно помѣщаетъ она свой духовный капиталъ въ прогорающій банкъ коммунистической партіи. Тутъ она не только процентовъ не получитъ, но, пожалуй, и самаго капитала не вернетъ, если во время не пойметъ своей ошибки.

А между тѣмъ много данныхъ, что по самому существу своему Русской молодежи, организованной въ двухмиліонный комсомолъ, не совсѣмъ по пути съ коммунистической партіей. Однимъ время цвѣсти, другимъ время тлѣть, потому что они уже сей-

часъ внѣ жизни и внѣ той творческой волны, которая начинаетъ захватывать Россію.

Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать результаты: въ Россіи начинается новое творческое напряженіе, копятся новыя, еще неоформленныя силы, и не далеко тотъ часъ, когда онѣ противостанутъ мертвящему мѣщанству оффиціальной идеологіи.

Кто побѣдитъ тогда? Побѣдятъ тѣ, чей творческій размахъ будетъ сильнѣе, кто дастъ наиболѣе цѣлесообразное приложеніе накапливаемому энтузіазму, чьи прозрѣнія будутъ геніальнѣе, чьи горизонты шире.

Другими словами, не за коммунистическими вождями пойдетъ живое ядро русской молодежи.

Парижъ, октябрь 1927. *Е. Скобцова.*

ОБРАЩЕНІЕ

русскихъ культурно-просвѣтительныхъ организацій г. Вильны ко всѣмъ русскимъ и не русскимъ друзьямъ русской школы.

Обращаясь ко всѣмъ вамъ, русскимъ и не русскимъ друзьямъ русской школы, мы хотѣли-бы найти слова всесильныя и покоряющія, чтобы передать вамъ нашу тревогу, наши заботы и опасенія.

Виленская Мужская Гимназія Русскаго О-ва, единственная русская общественная гимназія гор. Вильны, находится нынче, на шестомъ году своего существованія, въ исключительно тяжеломъ матеріальномъ положеніи, вѣдь родители обучающихся въ гимназіи дѣтей, принужденные, какъ и большинство изъ насъ русскихъ, вести упорную борьбу за существованіе въ ненормальныхъ и неблагопріятныхъ условіяхъ, не могутъ содержать гимназіи на свои средства.

Гимназія эта общественная, но общество въ широкомъ смыслѣ слова до сихъ поръ не предприняло никакихъ шаговъ для поддержанія ея существованія. Сознаніе, что участіе въ воспитаніи молодого поколѣнія является обязанностью всего общества, столь необходимое въ нашихъ условіяхъ, до сихъ поръ оставалось чуждымъ намъ.

Создавшееся положеніе вещей, при которомъ существеннѣйшія обязанности всего общества возлагаются на частныхъ лицъ, мы считаемъ безусловно ненормальнымъ. Наше равнодушіе къ дѣламъ общимъ и погруженіе въ личныя, а тѣмъ болѣе наше безразличное отношеніе къ судьбамъ молодого поколѣнія, было-бы печальнымъ признакомъ нашего національнаго и общественнаго вырожденія, символомъ того, что для насъ и для дѣтей нашихъ навсегда закрыты ворота будущаго.

Но мы не въ силахъ сознаться въ этомъ, мы вѣримъ, что не равнодушіе, а неумѣніе, что отсутствіе соотвѣтственной общественной формы было причиной нашей инертности.

И мы кладемъ основаніе **„Секціи друзей русской гимназіи“** при Виленскомъ Русскомъ Обществѣ, которую надѣемся видѣть въ ближайшемъ будущемъ самостоятельной и мощной организаціей.

Записывайтесь въ Секцію друзей русской гимназіи!

Вашей обязанностью будетъ ежемѣсячный посильный взносъ отъ (50 гр!) въ пользу гимназіи, гдѣ безплатно обучается нѣсколько десятковъ русскихъ дѣтей, и привлеченіе новыхъ членовъ.

Мы съ надеждой и съ тревогой ждемъ вашего отвѣта и какъ-бы хотѣлось намъ, чтобы надъ нашимъ обращеніемъ задумался и на него откликнулся каждый изъ васъ, чтобы мы русскіе, могли наконецъ доказать свою сплоченность и жизнеспособность, а не русскіе – свое человѣколюбіе.

Членскіе взносы и пожертвованія просятъ направлять по адресу:

Польша. Wilno. Trocka 7 Gimnazjum Humanistyczne Miejskie Wileńskiego Towarzystwa Rosyjskiego

Виленское Русское Общество.
Виленскій Совѣтъ Р. Н. О.
Дирекція и Школьная Опека Гуманитари. Мужск. Гимн. Русск. О-ва в Вильнѣ.
Кружокъ Студентовъ У. С. Б. Русск. Націон.

22 октября 1927 г.
г. Вильно.

СОДЕРЖАНІЕ:

Издатель и отвѣтственный редакторъ Б. В. ТРУШЪ.

Типографія Ставропигійскаго Института подъ упр. А. И Яськова. Львовъ, Бляхарская 9, телеф. 34—76.